СТИВЕН БАКСТЕР

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТИТАН

Возвращение на Титан
Стивен М. Бакстер

Аннотация
Стивен Бакстер. Возвращение на Титан
Пролог. Зонд
Глава первая. Земной космопорт
Глава вторая. Финансы
Глава третья. Переговоры
Глава четвертая. Червоточина
Глава пятая. Титан
Глава шестая. Приземление
Глава седьмая. Сели
Глава восьмая. Озеро
Глава девятая. Гондола
Глава десятая. Пауки
Глава одиннадцатая. Вулкан
Глава двенадцатая. Океан
Глава тринадцатая. Люк
Глава четырнадцатая. Виртуал
Глава пятнадцатая. Решение
Глава шестнадцатая. Восхождение
Эпилог. Зонд

Аннотация

Бакстер написал большой цикл об астронавте Гарри Пуле. «Возвращение на Титан» обнажает слабые места героя, в том числе его готовность пойти на все ради успеха.

Далёкое будущее. Солнечная система активно осваивается. На Титане предполагается наличие разумной жизни, поэтому комиссия по разумным существам наложила запрет на его посещение. Команда авантюристов решает нарушить запрет.

Стивен Бакстер
Возвращение на Титан

Пролог
Зонд

Земной корабль пролетал сквозь ледяные кольца.

В течение первой недели, крутясь по орбите вокруг Сатурна, корабль прошел в трехстах тысячах километров от Титана, самого большого спутника планеты. Сенсоры с любопытством смотрели вниз, в непроницаемую мглу атмосферы.

Корабль был слишком тяжел, чтобы лететь напрямую к цели при технологиях того времени, поэтому его полет растянулся на семь лет. Он шел по сложной траектории, используя гравитацию Венеры, Земли и Юпитера. Корабль был примитивен, но вполне подготовлен для исследования Титана. Независимый посадочный модуль, похожий на толстую тарелку диаметром метра в три, крепился сбоку к главному модулю. Автоматическая станция была отключена на протяжении всего межпланетного полета, но теперь зонд наконец-то разбудили и запустили.

Две недели спустя он окунулся в плотную атмосферу Титана.

Большая часть межпланетной скорости растаяла в горниле торможения, и наконец раскрылся главный парашют. Открылись заслонки, выдвинулись штанги, и приборы, находящиеся в миллиарде километров от рук инженера, уставились на Титан. На высоте около полусотни километров постепенно показалась поверхность. Эти первые дразнящие кадры напоминали вид Земли с большой высоты, только окрашенный в угрюмые оттенки красновато-коричневого цвета.

Посадка на ледяное крошево была неторопливой, скорость составляла менее двадцати километров в час.

После стольких лет путешествия миссия зонда на поверхности продолжалась всего несколько минут, прежде чем истощились его внутренние батареи и поток телеметрии оборвался. Еще два часа новости об этом приключении ползли к Земле со скоростью света, к этому времени слабая органическая морось уже забрызгала верхнюю часть корпуса и остатки внутреннего тепла зонда рассеялись окончательно.

А потом (о чем так и не узнали операторы зонда на Земле) похожий на клешню манипулятор сомкнулся на тарелкообразном корпусе «Гюйгенса»

и утянул раздавленный зонд под ледяной песок.

Глава первая
Земной космопорт

— С Титаном вечно что-то не так. — Это были первые слова, которые я услышал от Гарри Пула (еще до нашего с ним знакомства), и они ввинтились в мой похмельный мозг не хуже дрели. — Это было совершенно очевидно еще тогда, когда первые примитивные зонды добрались сюда шестнадцать веков назад. — У него был голос, как у пожилого человека лет семидесяти или восьмидесяти, с характерной хрипотцой. — Титан — колыбель целого зверинца всяческой живности, под плотным одеялом атмосферы, но как раз эту атмосферу невозможно воспроизвести.

— Ну, механизм-то достаточно очевиден. Тепловой эффект от метана в атмосфере не дает воздуху охлаждаться и вымерзать. — Эти слова произнес уже другой голос, скрипучий и немного мрачный, — голос человека, который относится к себе слишком серьезно. Голос показался мне знакомым. — Солнечный свет запускает реакции с метаном, в результате чего в стратосфере образуются сложные углеводороды…

— Но, сынок, откуда же этот метан берется? — с нажимом возразил Гарри Пул. — Он ведь расходуется на те самые реакции образования стратосферных углеводородов. И он должен был исчезнуть за несколько миллионов лет, максимум за десять. Так что же восполняет запас метана?

В тот момент меня абсолютно не волновала проблема метана на крупнейшем спутнике Сатурна, несмотря даже на то, что она, по-видимому, была основной точкой приложения моей карьеры. Туман в моей голове, который был гуще, чем толиновая[1] мгла на Титане, постепенно рассеивался, и я наконец стал ощущать свое тело: оно болело в самых неожиданных местах, а я лежал ничком на чем-то вроде кушетки.

— Может, это результат какого-то геологического процесса? — прозвучал звонкий женский голос. — Или же эта экосистема — некий процесс планетарного масштаба, который поддерживает концентрацию метана. Два самых очевидных варианта.

— Конечно, Мириам, — согласился Гарри Пул. — Или то, или другое. Это было ясно с тех

---

[1] Примечания: 1

Толины — органические вещества, линии поглощения которых обнаружены в спектрах многих ледяных тел внешней Солнечной системы.

пор, как земляне обнаружили наличие метана на Титане. Но никто ведь не знает наверняка! Да, за прошедшие столетия там побывало несколько зондов, но никто не воспринимал Титан достаточно серьезно, чтобы выяснить все как следует. Всегда находились другие, более легкие, объекты для исследования и колонизации. Марс например, или ледяные луны. На Титан ведь до сих пор не ступала нога человека!

— Но это же вполне реальные проблемы, — произнес третий мужской голос. — С потерей тепла в таком холодном воздухе бороться было слишком дорого, Гарри. И слишком рискованно…

— Не в этом дело. Никому просто не хватило воображения, чтобы увидеть потенциал Титана. Вот в чем реальная проблема. А теперь мы связаны по рукам и ногам этими проклятыми законами о невмешательстве.

— И ты считаешь, что нам обязательно нужно это выяснить, — произнес скрипучий голос.

— Нам нужен Титан, сынок, — ответил Гарри Пул. — Только в этом я вижу единственную надежду на то, чтобы наша червоточина стала самоокупаемой. Титан является — должен являться — ключом для освоения Сатурна и всей внешней системы. Мы должны найти доказательства, что

законы о невмешательстве там неприменимы, — а затем мы сможем перебраться туда и начать его осваивать. Вот о чем речь.

— И ты считаешь, это ничтожество подходит на роль такого ключа? — произнесла женщина.

— Ну, поскольку он куратор по невмешательству в разумную жизнь, а при этом еще и жулик, то да, я именно так и считаю…

Когда в моем присутствии бросаются словами «жалкий» или «жулик», обычно речь идет о Джовике Эмри, то есть обо мне. Я решил, что пришла пора открыть глаза. Над моей головой раскинулся какой-то стеклянный купол, а за ним я увидел кусок голубого неба. Я узнал вид на Землю из космоса. И там виднелось кое-что еще: скульптура из ярко-голубых нитей, летящая над взъерошенным одеялом облачности.

— О, смотрите, — произнесла женщина. — Ожил.

Я потянулся, покрутился туда-сюда и сел. Тело было одеревеневшим и тяжелым, вдобавок я ощущал странную боль в шее сзади, чуть ниже черепа. Я обвел взглядом своих похитителей. Их было четверо — трое мужчин и женщина, и они смотрели на меня с ироничным презрением. Что ж, мне не впервой оказываться в состоянии

мучительного похмелья, очнувшись неведомо где в компании незнакомцев. Обычно я быстро прихожу в себя. Я был настолько молод и настолько здоров, насколько позволяли финансы: мне было около сорока, но я был в наилучшей форме, АС-сохраненной в возрасте двадцати трех лет.

Мы сидели на кушетках в центре заставленной разными вещами круглой палубы под поцарапанным куполом. Значит, я нахожусь в ВЕТ-корабле, стандартном межпланетном транспорте, хотя корабль явно не вчера построен. Я много раз летал на таких к Сатурну и обратно. Сквозь прозрачный купол я видел еще несколько ярко-голубых каркасов, дрейфующих на фоне земли. Они имели форму тетраэдра с едва различимыми гранями и были похожи на мыльные пузыри, которые вспыхивали золотом, прежде чем исчезнуть. Это были устья червоточин — кротовьих ходов в пространстве-времени, а золотые отблески на самом деле являлись окнами в другие миры.

Я понял наконец, где нахожусь.

— Это космопорт Земли.

Горло у меня было сухим, как пыльная лунная пустошь, но я старался говорить уверенно.

— Что ж, насчет этого ты прав, — сказал тот, который прежде вел разговор. Но голос семиде-

сятилетнего старика, как ни смешно, исходил от парня лет двадцати пяти, блондина с голубыми глазами, — гладенького примера Анти-Старения. Двум другим мужчинам на вид было около шестидесяти, но при нынешних достижениях АС их реальный возраст угадать было трудно. Женщина оказалась высокой, с коротко подстриженными волосами, в рабочем комбинезоне. На вид ей можно было дать лет сорок пять.

Юный пожилой человек заговорил снова:

— Меня зовут Гарри Пул. Добро пожаловать на борт «Краба», это корабль моего сына…

— Добро пожаловать? Вы меня чем-то напичкали и притащили сюда…

Один из шестидесятилетних — тот, с хрипотцой, — рассмеялся:

— О, пичкать тебя не было нужды, ты сам нализался до отключки.

— Вы, очевидно, знаете, кто я… А я, кажется, знаю вас. — Я присмотрелся. — Вы ведь Майкл Пул? Инженер червоточин?

Тот смерил меня взглядом и обратился к блондину:

— Гарри, у меня такое чувство, что мы совершаем огромную ошибку, намереваясь иметь дело с этим типом.

Гарри ухмыльнулся, разглядывая меня.

— Не торопись, сынок. Ты всегда был идеалистом. Ты не привык работать с такими людьми. А я привык. Мы получим от него все, что нам нужно.

Я повернулся к нему.

— Гарри Пул, вы отец Майкла, так ведь? — Я рассмеялся. — Отец, который так себя омолодил, что выглядит младше сына. Какая пошлость. И да, Гарри, вам обязательно надо что-нибудь сделать с вашим голосом.

— Я согласен с Майклом, Гарри, — заявил третий. — Мы не можем работать с этим клоуном.

Он был полноват, с озабоченным морщинистым лицом. Я решил про себя, что это сотрудник корпорации, который состарился, делая богатым кого-то другого, — например Майкла Пула и его отца.

Я легко и беззаботно улыбнулся.

— А вы кто?

— Билл Дзик. И я буду сотрудничать с тобой, если мы-таки совершим наш запланированный прыжок к Титану. Но не могу сказать, что эта идея мне по вкусу.

В этот момент я впервые услышал об их затее посетить Титан. Что ж, чего бы они от меня ни

хотели, я был уже сыт по горло системой Сатурна, этой адской дырой, и не намеревался возвращаться туда снова. Бывали у меня ситуации и похуже, а сейчас надо просто выиграть время и дождаться подходящего момента для бегства. Я потер виски.

— Билл — могу я называть тебя Биллом? Не мог бы ты принести мне кофе?

— Не искушай судьбу, — прорычал он в ответ.

— Тогда скажите хотя бы, зачем вы меня похитили.

— Ну, это просто, — ответил Гарри. — Мы хотим, чтобы ты доставил нас на Титан.

Гарри щелкнул пальцами, и перед нами замерцало изображение Титана в Виртуале: покрытый шрамами апельсин, вращающийся во мраке. Рядом с ним Сатурн — бледно-желтый полумесяц с огромными кольцами, вокруг него маленькими фонариками кружились луны. А на орбите чуть выше плоскости колец поблескивал крохотный тетраэдр — выход из червоточины Майкла Пула. Гиперпространственная дорога, путь к Сатурну и всем его чудесам. Доступ, которым, похоже, очень редко пользовались.

— Вообще-то это незаконно, — отметил я.

— Знаю. Поэтому именно ты нам и нужен.

Он холодно улыбнулся, скривив свое абсурдно юное лицо.

Глава вторая
Финансы

— Если вам тут нужен эксперт по Титану, — заявил я, — можете искать дальше.

— Ты ведь куратор, — напомнила Мириам, не скрывая своего недоверия и отвращения. — Ты работаешь на внутрисистемную комиссию по надзору за соблюдением законов о разумных существах. И именно ты отвечаешь за Титан!

— Только я его не выбирал, — буркнул я. — Слушайте, раз вы, очевидно, выбрали именно меня, то должны кое-что знать о моем прошлом. Легкой карьеры у меня не было. Моя учеба в университете, куда я поступил на деньги своих родных, состояла из пьяных дебошей, сексуальных эскапад, мелкого воровства и вандализма. По молодости я не задерживался ни на одной работе, которую мне подыскивала семья, — в основном из-за того, что обычно спасался бегством от очередной жертвы моих выходок.

— И в конечном итоге тебя приговорили к редактированию, — подытожил Гарри.

Если бы власти добились своего, то содержи-

мое моего многострадального мозга было бы загружено на внешний носитель, все воспоминания отредактированы, антисоциальные импульсы «перепрограммированы», а остаток залит обратно. Всю мою личность подвергли бы перезагрузке.

— Для меня это было равносильно смерти. Я перестал бы быть самим собой. Отец пожалел меня…

— И выкупил, — подхватил Дзик. — А затем устроил тебя на работу в комиссию по разумным существам. Настоящая синекура.

Я посмотрел на мрачные цвета Титана.

— Вообще-то это убогая должность. Но на ней все-таки как-то платят, и никого особо не волнует, если ты что-либо выкинешь, — в разумных пределах. Я всего лишь пару раз бывал на Сатурне и на орбите Титана. Работа это по большей части административная, все распоряжения поступают с Земли. Я за нее держался руками и ногами. Ну, просто выбора у меня особо не было.

Майкл Пул уставился на меня так, словно я был мелким вредителем, прокравшимся в одну из его чудесных межпланетных установок.

— Вот это и вечная проблема с надзорными агентствами вроде твоего. Я даже могу согла-

ситься с вашими целями. Но занимаются этим сплошь лодыри — бездельники, как и ты. Никого не интересует реальный результат, а ваша контора только путается под ногами у предпринимателей.

Я поймал себя на том, что этот человек мне решительно не нравится. И еще я не выношу, когда мне читают нотации.

— Я никому ничего плохого не сделал, — огрызнулся я. — Во всяком случае, ничего сильно плохого. В отличие от вас, Пул, с вашими грандиозными планами по переделке всей системы ради личной прибыли.

Майкл собрался было парировать, но Гарри поднял руку.

— Давайте не будем ввязываться в дискуссию. И он прав, в конце концов. Здесь предмет спора — прибыль или ее отсутствие. А что касается тебя, Джовик, даже в этой затерянной в космосе дыре ты все еще умудряешься проворачивать свои любимые махинации. Я не прав?

Я из осторожности промолчал. Сперва надо было выяснить, что ему уже известно.

Гарри показал на виртуальную проекцию Титана.

— Смотрите, Титан кишит жизнью. Это основ-

ное заключение той кучи зондов, что столько лет болтались на орбите, и тех, которые пробили плотную атмосферу и ползали по поверхности или копались в ледяном песке. Но наличие жизни само по себе ничего не значит. Вся Солнечная система полна жизни — она расцветает повсюду, на отбитых столкновениями астероидах и даже на глыбах льда. Жизнь — обычное явление во вселенной. Вопрос в невмешательстве. А невмешательство сдерживает прогресс.

— Такое с нами уже случалось, — обратился ко мне Майкл Пул. — В смысле, с консорциумом по развитию, который я возглавляю. Мы установили интерфейс червоточины на объекте из пояса Койпера под названием Печеная Аляска, на внешнем краю Солнечной системы. Нашей целью было использовать лед в качестве реакционной массы для заправки кораблей с BET-двигателями. Ну и в итоге мы обнаружили там жизнь, а вскоре идентифицировали ее разумность. Ксенобиологи назвали ее «Лес Предков». Проект был остановлен, а нам пришлось эвакуироваться…

— Учитывая обстоятельства, которые привели меня сюда, — прервал его я, — не стану напрягаться и изображать интерес к вашим военным историям.

— Хорошо, — сказал Гарри. — Но ты же видишь, в чем проблема с Титаном. Пойми, мы хотим открыть его для развития. Это фабрика углеводородов и органики, а также экзотических форм жизни, часть которых как минимум родственна нашей. Мы можем создать пригодный для дыхания воздух из атмосферного азота и кислорода, добытого из водяного льда. Из метана и органики можно делать пластик, топливо и даже пищу. Титан должен стать стартовой площадкой для освоения пространств за пределами Солнечной, и даже для полетов к звездам. По меньшей мере это единственная разумная причина, по которой кому-либо захочется посетить Сатурн. Но нам не позволят осваивать Титан, если там есть разумная жизнь. А наша проблема в том, что никто еще не установил, что ее там нет.

Я начал понимать, о чем речь.

— Значит, вы хотите устроить быстренькую подленькую экспедицию, нарушив все аспекты планетарной защиты в законе о разумных существах, чтобы доказать, что там нет разумной жизни, — и получить разрешение на доставку строительной техники на Титан. Правильно? — Тут я увидел, как Дзик, Мириам и Майкл Пул раздосадованно переглянулись. Ага, значит, у них

есть разногласия по поводу моральной стороны этой затеи, и это та трещинка, в которую я могу вбить клин. — Чего ради вам так рисковать?

И они мне рассказали. Это была целая сага о межпланетных амбициях. Но в конце концов, как всегда в подобных случаях, все упиралось в деньги — или в их отсутствие.

Глава третья
Переговоры

— Ты знаешь, как делается наш бизнес, Джовик, — сказал Гарри Пул. — Оборудуя червоточины, мы прокладываем маршруты для быстрых перемещений по всей Солнечной системе, а это открывает нам доступ к целой куче планет для колонизации и развития. Но у нас есть и куда более амбициозные проекты.

— Какие? Звездолеты?

— И не только, — ответил Пул. — Несколько десятилетий мы работаем над экспериментальным кораблем, который строится на орбите Юпитера…

И он рассказал о своем драгоценном «Коши». Протащив портал червоточины по кругу диаметром в несколько световых лет, BET-корабль «Коши» создаст мост-червоточину — но этот мост проложит путь не через пространство, а через пятнадцать столетий в будущее. Таким образом, соединив уже обитаемые и освоенные человечеством планеты системой червоточин воедино, Майкл Пул теперь надеялся создать перемычку

между прошлым и будущим. Я взглянул на него по-новому: с уважением и отчасти со страхом. Этот человек либо гений, либо безумец.

— Но для финансирования этих идей вам нужны деньги, — сказал я.

— Джовик, — сказал Гарри, — ты должен понимать, что мегаинженерный бизнес вроде нашего пожирает безумное количество денег. Так повелось еще с тех пор, как в девятнадцатом веке стали прокладывать первые железные дороги. Каждый новый проект мы финансируем за счет прибыли от предыдущих, а также из новых инвестиций — но эти инвестиции напрямую зависят от успеха прежних схем.

— А-а, и вот тут вы споткнулись. Да? И все теперь завязано на Сатурне.

Гарри вздохнул:

— Транзит на Сатурн был следующим логическим шагом. Но проблема в том, что в нем никто не заинтересован! Сатурн напрочь теряется на фоне Юпитера! У Сатурна есть ледяные луны — но их множество и на орбитах вокруг Юпитера. Атмосферу Сатурна можно использовать для добычи полезных веществ — но и атмосферу Юпитера тоже, при этом он вдвое ближе к Земле.

— И еще у Сатурна, в отличие от Юпитера, нет

мощного энергетического поля, откуда мы черпаем энергию на создание «Коши», — добавила Мириам.

— Как интересно! — притворно восхитился я. — Так вы, значит, тоже инженер?

— Физик, — смущенно ответила она.

Мириам сидела возле Майкла, но чуть поодаль. Интересно, нет ли у них каких-то личных отношений.

— Суть в том, — пояснил Гарри, — что у Сатурна нет ничего, что привлекало бы туда людей, — поэтому никто и не хочет пользоваться нашим недешевым каналом-червоточиной. Нет ничего, за исключением…

— Титана, — вставил я.

— И если мы не можем попасть туда легально, нам нужен человек, который взломает протоколы безопасности и доставит нас на поверхность.

— Поэтому вы обратились ко мне.

— Как к последнему средству, — с отвращением произнес Билл Дзик.

— Мы пробовали уговорить твоих коллег, — сказала Мириам. — Все отказались.

— Что ж, это типично для кучки формалистов.

Гарри, как всегда дипломатично, улыбнулся мне:

— Поэтому нам придется обойти несколько крючкотворных правил, но ты должен увидеть перспективу, приятель, и благую цель, ради чего все это. А для тебя, Джовик, это шанс вернуться на Титан. Тебе, считай, улыбнулась фортуна…

— Тогда вопрос: а что я буду с этого иметь? Вы ведь в курсе, что я уже был на грани редактирования мозга. Так ради чего я должен рисковать, помогая вам на этот раз?

— Потому что в случае отказа тебя гарантированно ждет перезагрузка мозгов, — ответил Гарри.

Ясно, вот мы и перешли к грязным приемчикам. Гарри взял переговоры в свои руки — он явно возглавлял этот маленький заговор, предоставив прочим инженеришкам заниматься моральными терзаниями.

— Мы знаем о твоих побочных доходах.

— Каких еще доходах? — У меня появилось нехорошее предчувствие…

И он вывел все на дисплей Виртуала. Я увидел, как один из моих перенастроенных зондов вонзается в плотную атмосферу Титана. Серебристая игла четко выделялась на фоне мрачных облаков органики. Теоретически зонд должен был выполнить рутинный мониторинг, но реальная цель у

него была совершенно иная.

Сразу под поверхностью на Титане можно найти полости с жидкой водой, обычно под озерным льдом в кратерах. Температура там поддерживается остаточным теплом после ударов, породивших эти кратеры. Изображение показало, как спускаемый модуль зонда пробил ледяной панцирь одного из таких озер и нырнул в воду. Гарри включил перемотку, и мы увидели, как модуль выбрался из озера и набрал высоту, направляясь на базу моих коллег на Энцеладе.

— Ты брал в озерах образцы подледной жизни, — сурово произнес Гарри. — И продавал результаты.

Я пожал плечами: не было смысла отрицать очевидное.

— Полагаю, основные факты вам известны. Местные формы жизни состоят в родстве с земными, но в очень отдаленном. Другой набор аминокислот или что-то еще… я не знаю. Даже микроскопические образцы ценятся среди биохимиков на вес золота, потому что это новый набор инструментов для создания синтетических лекарств и всяких генетических манипуляций. — Я понимал, что у меня есть только один выход из этой ситуации. — Вам будет непросто найти дока-

зательства. К настоящему времени даже следов наших зондов на поверхности не осталось.

Это действительно было так. Среди многочисленных и плохо изученных загадок Титана был тот факт, что оказавшиеся на его поверхности зонды быстро выходили из строя и исчезали — вероятно, в результате каких-то геологических процессов.

Гарри отнесся к моим словам с тем презрением, которого они заслуживали.

— У нас есть полные записи. Фотографии. Образцы материалов, которые ты украл на Титане. Даже заверенные показания одного из твоих партнеров.

— Чьи? — вскинулся я. Но, конечно же, это не имело значения.

— Суть в том, что такие действия абсолютно незаконны, — снисходительно продолжил Гарри. — Причем совершал их ты, куратор, в чьи обязанности как раз входит предотвращение подобных преступлений. Если об этом узнают твои боссы, тебя без проволочек отдадут под суд, приятель.

— Так, значит? Шантаж? — Я очень постарался, чтобы это прозвучало максимально презрительно… Это сработало: Майкл, Мириам и Билл отвели

взгляды. Но Гарри все было как с гуся вода.

— Я бы назвал это иначе. Но по сути да, так и есть. И что ты выбираешь? Ты с нами? Ты доставишь нас на Титан?

Я еще не был готов сдаться. Я резко встал, и они, к моему удовлетворению, отпрянули.

— Дайте хотя бы время подумать. Вы мне даже кофе не предложили.

Майкл взглянул на Гарри, тот показал на диспенсер возле моей кушетки.

— Налей отсюда.

Здесь были и другие раздатчики. Почему именно из этого? Я отмахнулся от этого вопроса и подошел к диспенсеру. По команде тот налил кружку какой-то жидкости — пахла она как кофе. Я с благодарностью сделал большой глоток и подошел к прозрачной стенке купола.

— Стой! — рявкнул Майкл.

— Я просто хотел полюбоваться видом.

— Ладно, но только ни к чему не прикасайся, — разрешила Мириам. — Иди по этой желтой дорожке.

— Не прикасайся? — ухмыльнулся я. — Я что, заразный? — Я не совсем понимал, что происходит, но не мешало бы прощупать почву: что там у них на уме… — Пожалуйста, пройдитесь со мной

— покажете, что вы имели в виду.

Мириам секунду помедлила, затем, с выражением глубокой неприязни, поднялась со своего места. Она оказалась выше меня ростом, с гибким и крепким на вид телом.

Мы пересекли жилой купол — полусферу в сотню метров диаметром. Кушетки, панели управления, пункты ввода и получения информации теснились в центре купола. Остальная зона с прозрачным полом делилась невысокими перегородками на лаборатории, кухню, спальную зону и душевую. На мой взгляд, обстановка выглядела педантично простой и функциональной. Это был корабль человека, который жил для работы, и только для нее. Если был корабль Майкла Пула, то он представлял довольно безрадостный его портрет.

Мы подошли к выпуклой стене. Глянув вниз, я увидел хребет корабля — сложную опору длиной около двух километров, ведущую к глыбе астероидного льда, которая использовалась в качестве рабочего тела для модуля BET-двигателя. А вокруг нас кружились как снег интерфейсы червоточин — огромные врата, через которые лился бесконечный поток кораблей, курсирующих внутри Солнечной системы.

— Прямо-таки воплощение мечты вашего любовника, — сказал я стоящей рядом Мириам.

— Майкл мне не любовник, — отрезала она. Электрически-голубой отсвет червоточин освещал ее скулы.

— Я даже не знаю, как вас зовут, — сказал я.

— Берг, — неохотно произнесла она. — Мириам Берг.

— Можете мне не верить, но я не преступник. Я не герой, и притворяться им не собираюсь. Я просто хочу как-то прожить свою жизнь, а также получить от этого процесса немного удовольствия. Мне здесь не место, да и вам тоже.

Я коснулся ее плеча. Физический контакт может пробить ее сдержанность.

Но мои пальцы прошли сквозь ее тело, рассыпавшись на дымку из пикселей, пока не вышли с другой стороны и не соединились заново. Я ощутил лишь мимолетную боль в голове.

Я уставился на Мириам Берг.

— Что вы со мной сделали?

— Мне очень жаль, — печально проговорила она.

Я опять сидел на кушетке — моей кушетке, такой же виртуальной проекции, как и я. Она была единственным предметом мебели в ку-

поле, сквозь который я не провалился бы. Я потягивал кофе, налитый из моего виртуального диспенсера — единственного, к которому я мог прикоснуться.

Понятное дело, эту затею придумал Гарри Пул. «Для подстраховки, если вдруг выкручивания рук из-за твоей кражи образцов с Титана окажется недостаточно».

— Я просто виртуальная копия, — констатировал я.

— Строго говоря, резервная копия личности…

Я слышал о таких копиях, но они мне были не по карману, к тому же не очень-то я о них и мечтал. Перед тем как предпринять что-либо опасное, можно было загрузить копию своей личности в надежное хранилище. Если человек калечился или даже погибал, то резервную копию загружали в восстановленное тело или специально выращенный клон. А можно было и дальше жить в какой-нибудь виртуальной среде. Человек при этом терял все воспоминания о том, что происходило после создания резервной копии, но лучше так, чем смерть… В теории. По моему же мнению, это была просто прихоть богачей: можно было встретить виртуальные копии на похоронах своих оригиналов, где они беззастенчиво упивались

эмоциями присутствующих.

Кроме того, копия никогда не сможет быть тобой — тем, который умер. Только копия может жить дальше. Теперь эта мысль начала приводить меня в ужас. Я не дурак, и с воображением у меня все более чем в порядке.

Гарри наблюдал, как я осваиваюсь с этой новостью.

— А что со мной? — выдавил я. — С оригиналом. Я умер?

— Нет. Оригинал лежит в трюме, в анабиозе. Мы сделали копию, когда ты был уже без сознания.

Его слова объясняли боль в шее: так они подключились к моей нервной системе. Я встал и принялся расхаживать по помещению.

— А если я откажусь вам помогать? Вы шайка мошенников и лицемеров, но я не могу поверить, что вы при этом хладнокровные убийцы.

Майкл хотел было ответить, но Гарри остановил его, подняв руку.

— Послушай, совсем не обязательно доводить дело до точки невозврата. Если ты согласишься работать с нами, то ты, виртуальный ты, будешь загружен обратно в исходное тело. И сохранишь при этом все воспоминания.

— Но это уже буду не я. — Во мне начала за-

кипать ярость. — В смысле, та копия, что здесь сидит. Я-то перестану существовать — как не существовал два часа назад, прежде чем вы меня активировали. — Это была еще одна странная и пугающая мысль. — Мне придется умереть! В любом варианте, даже в том случае, если я стану сотрудничать. Отличную сделку вы мне предлагаете. Идите вы в Лету! Если вы всяко собираетесь убить меня, то я уж как-нибудь найду способ навредить вам. Я проникну в ваши системы, как вирус. Вы не можете меня контролировать.

— Почему же? Я могу.

Гарри щелкнул пальцами.

И все мгновенно изменилось. Все четверо стояли возле кушетки Гарри, самой дальней от меня. Прежде я стоял, а теперь я сидел. Взглянув через прозрачный купол, я увидел, что мы теперь на ночной стороне Земли.

— Как долго? — прошептал я.

— Двадцать минут, — небрежно бросил Гарри. — Разумеется, я могу тебя контролировать. У тебя есть выключатель. Так что ты выбираешь? Окончательное уничтожение всех твоих копий или жизнь как воспоминание в теле оригинала?

На юном лице этого старика застыла жесткая ухмылка.

В итоге «Краб-отшельник» развернулся на орбите, отыскивая интерфейс червоточины, ведущей к Сатурну. А я, точнее он, на короткое время поверивший, что он и есть я, согласился на загрузку обратно в исходную личность, то есть в меня.

Он, копия моей личности, умер ради моего спасения. Вечная ему память.

Глава четвертая
Червоточина

Выйдя из анабиозной камеры, ожесточенный и злой, я решил посидеть в одиночестве. Я прошелся к краю купола, где прозрачная полусфера уходила в твердый пол. Глядя вниз, я мог видеть струи раскаленного ионизированного пара, бьющие из дюз BET-двигателя. Этот двигатель, как вы уже наверняка догадались, был одним из инженерных творений Пула. «BET» означает «Великая единая теория» — это система, описывающая фундаментальные силы природы как аспекты единой суперсилы. Это физика творения. Так люди вроде Майкла Пула используют энергии, которые некогда вызвали расширение самой Вселенной, для тривиальной задачи разгона их паровых ракет.

Вскоре «Краб-отшельник» увлек нас в жерло червоточины, ведущей в систему Сатурна. Мы влетали в нее куполом вперед, поэтому создавалось впечатление, что голубой тетраэдр падает на нас с зенита. Великолепное было зрелище, настоящая скульптура из света. Голубые ребра тет-

раэдра на самом деле были лучами экзотической материи, проявлением поля антигравитации, которое не давало этой дыре в пространстве-времени схлопнуться. Время от времени можно было разглядеть мерцание треугольной грани, подсвеченной золотистым светом, который мерцал сквозь тусклые чертоги Сатурна.

Треугольная рама опускалась, постепенно расширяясь, а затем накрыла нас полностью, отрезав вид на Землю и космопорт. Теперь я смотрел в нечто вроде туннеля из ярких световых полос. Это был пробой в ткани пространства-времени, а сияние его стенок возникало от этого огромного растяжения экзотических частиц и излучений. Корабль проникал в червоточину все глубже. Лучи бело-голубого света вырывались из невидимой точки прямо над моей головой и струились по стенам пространства-времени. Это порождало ощущение скорости, беспредельного и неконтролируемого ускорения. Корабль содрогался и громыхал, купол трещал, как хибара из листового железа под ударами ветра, и мне показалось, что я слышу, как старенький BET-двигатель визжит от напряжения. Я вцепился в поручень и постарался не впадать в панику.

К счастью, переход был милосердно коротким.

Окутанные дождем из экзотических частиц, мы вынырнули из другого ярко-голубого жерла, и я увидел, что снова оказался в системе Сатурна, впервые за много лет.

Я мгновенно понял, что мы находимся вблизи орбиты Титана вокруг Сатурна, потому что сама планета, висящая в поцарапанном небе жилого купола, была примерно такого размера, какой я ее помнил: чуть сплюснутый шар — гораздо более крупный, чем Луна, видимая с Земли. Другие спутники виднелись сбоку от Сатурна и выглядели светящимися точками. Солнце и внутренние планеты располагались справа, поэтому Сатурн отсюда казался полумесяцем. Кольца, единственная интересная особенность Сатурна, не были видны, потому что орбита Титана расположена в той же экваториальной плоскости, что и система колец. Однако тень колец, которую создавали солнечные лучи, виднелась на поверхности планеты неожиданно четко.

Для меня в этом зрелище не было ничего романтического или прекрасного. Свет здесь был плоский и тусклый. Сатурн находится примерно в десять раз дальше от Солнца, чем Земля, поэтому светило сжимается здесь до точки, а его яркость уменьшается в сотню раз. Сатурн — туманная

и сумрачная планета, от которой веет осенью. Здесь невозможно забыть, как далеко ты от дома, и если вытянуть руку по направлению к Солнцу, то накроешь ладонью всю орбиту Земли.

«Краб» развернулся, и показался сам Титан — шар, затянутый от плюса до полюса мутным коричневым облаком, еще более унылый и негостеприимный, чем его небесный хозяин. Очевидно, Майкл Пул разместил интерфейс червоточины поблизости от Титана, предполагая, что тот когда-нибудь ему пригодится.

Титан стал приближаться, заметно разбухая. Наша конечная цель была ясно видна.

Гарри Пул взял командование на себя. Он заставил нас облачиться в тяжелые и толстые экзокостюмы — таких я еще не видел. Мы сидели на кушетках, похожие на отъевшихся личинок: мой костюм был настолько толстым, что ноги почти не сгибались.

— План таков, — начал Гарри, явно обращаясь в основном ко мне. — «Краб», выйдя из червоточины, мчится прямо на Титан. Таким способом мы надеемся доставить вас вниз быстрее, чем его заметит одна из местных автоматических систем наблюдения. А если и заметит, то ничего сделать не успеет. Через некоторое время «Краб» начнет

торможение и выйдет на орбиту вокруг Титана. Но перед этим мы сбросим вас четверых вниз в гондоле, прямо ко входу в червоточину. — Он щелкнул пальцами, и в полу открылся люк в другой корабль, прикрепленный к основанию купола. Он был похож на пещеру, ярко освещен, а его стены густо покрывали приборы и дисплеи.

— Сбросят нас, Гарри? — спросил я. — А как насчет тебя?

Он улыбнулся во все свое юное лицо.

— А я буду ждать вас на орбите. Кто-то же должен остаться и вытащить вас в случае чего.

— Эта гондола на вид маловата для четверых.

— Ну, здесь основное ограничение было по весу. Ваш общий вес не должен превышать тонну. — Гарри протянул мне планшет. — Теперь на сцену выходишь ты, Джовик. Я хочу, чтобы ты послал сопроводительное сообщение на контрольную базу на Энцеладе.

Я уставился на планшет.

— И что именно должно быть в сообщении?

— Профиль входа в атмосферу составлен так, чтобы имитировать автоматический зонд. Например, входить вы будете на высокой скорости — с резким торможением в конце. Я хочу, чтобы в телеметрии вы смотрелись именно так:

просто очередной автоматический зонд садится для проведения небольшого исследования, или кураторской инспекции, или чем там ваши бюрократы занимаются. Добавь к сообщению подходящие разрешительные документы. Нисколько не сомневаюсь, что это тебе по силам.

Я тоже был уверен, что справлюсь. Махнув рукой, я открыл планшет, быстро сочинил подходящий профиль, дал компьютеру Гарри проверить, что я не вставил в него тайком призыв о помощи, и отправил запрос на Энцелад.

— Готово. — Я вернул планшет. — Наблюдатели вас не заметят. Я сделал то, что вы хотели. — Я махнул на приближающийся диск Титана. — Полагаю, теперь вы можете избавить меня от этого?

— Мы ведь это уже обсуждали, — ответил Майкл с легким намеком на сожаление. — И решили взять тебя с собой, Джовик, — чисто на случай, если возникнут проблемы. Твое присутствие прибавит нашей миссии достоверности. Ты обеспечишь нам дополнительное прикрытие.

— Шитое белыми нитками, — фыркнул я.

Мириам пожала плечами.

— Овчинка стоит выделки, если мы сможем выиграть немного времени.

— И даже не думай что-либо замышлять, бюрократишка. — Билл Дзик сурово взглянул на меня. — Я глаз с тебя не спущу ни по дороге туда, ни обратно.

— И вот еще что, — сказал Гарри, подавшись вперед. — Если все удастся, Джовик, ты получишь награду. Мы обо всем позаботимся. Нам это вполне по карману, в конце концов. — Он усмехнулся своей юношеской ухмылкой. — Ты только подумай: ведь ты станешь одним из первых людей на Титане! Как видишь, у тебя множество причин сотрудничать с нами, правда? — Он проверил часы на своем планшете. — Мы приближаемся к чек-поинту. Все вниз, команда.

Никому не понравились ни последнее слово, ни радостный тон человека, который сам-то оставался на корабле. Но все же мы послушно спустились через люк в компьютеризированную пещеру: сперва Мириам, потом я, а следом Билл Дзик. Майкл присоединился к нам последним — я увидел, как он довольно скованно обнял отца. Очевидно, такие проявления чувств были для них непривычны. В гондоле стояли в ряд четыре кресла, причем настолько близко, что я касался коленями Мириам и Дзика, когда мы втиснулись туда в костюмах. До корпуса было

буквально рукой подать, так что я в любом направлении мог его коснуться. Скорлупка была явно тесновата. Пул закрыл люк, и я услышал гудение и жужжание: ожили независимые системы гондолы. Потом лязгнули защелки, началась такая болтанка, что у меня свело желудок. Мы уже отделились от «Краба» и, вращаясь, начали свободное падение.

Пул коснулся панели над головой, и корпус стал прозрачным. Наша четверка словно зависла в креслах, окруженная подсвеченными приборами и разными блоками — скорее всего, ВЕТ-двигателем, системой жизнеобеспечения и припасами. «Краб» над нами скользнул в сторону на фоне Сатурна, подсвеченный выхлопом из двигателя, а внизу расползался в ширину оранжевый диск Титана.

Я испуганно ахнул. Впрочем, я никогда не изображал из себя храбреца.

Мириам протянула мне прозрачный круглый шлем.

— Лета, да надень же его, пока тебя не стошнило.

Я нахлобучил шлем, он вошел в шейное кольцо костюма и автоматически защелкнулся.

Билл Дзик явно наслаждался моими страда-

ниями.

— Думаешь, в костюме безопаснее? Что ж, вход в атмосферу — самый опасный момент. Молись, Эмри, чтобы мы прошли верхние слои атмосферы быстрее, чем закончится запас прочности у костюмов. Они не предназначены для работы в космосе, в отличие от скафандров под давлением.

— А для чего они тогда вообще нужны?

— Для термоизоляции, — чуть более сочувственно пояснил Майкл. — Давление воздуха у поверхности Титана на пятьдесят процентов выше, чем на Земле. Но этот холодный и плотный воздух буквально высасывает из тела тепло. Слушай внимательно, Эмри. Гондола маленькая, но у нее есть очень мощный источник энергии — фактически это ВЕТ-двигатель. Его энергия нам будет нужна для сохранения тепла. Вне гондолы костюм тебя защитит, потому что в его ткань встроены батареи. Но вдали от корабля ты не протянешь и пары часов. Все понял?

Его слова меня отнюдь не ободрили.

— А как насчет самой посадки? Твой отец сказал, что мы станем имитировать траекторию автоматического зонда. Похоже, садиться мы будем жестковато.

Дзик хохотнул.

— Все будет в порядке, — заверил Пул. — У нас нет полного контроля инерции, нет и тормозного двигателя, но кресла защитят нас от самых мощных перегрузок. Просто сиди и не дергайся.

Тут Пул замолчал, и они начали предпосадочную проверку всех систем. Гарри прошептал мне на ухо, что с каждого из нас только что сняли свеженькие резервные копии и сохранили их в компьютерах гондолы. Но и эта новость меня не вдохновила. Я лежал совершенно беспомощный, упакованный в костюм и пристегнутый к креслу, а гондола падала в самый центр освещенной поверхности Титана.

Глава пятая
Титан

Через пятнадцать минут после отделения от «Краба» гондола вошла в верхние слои атмосферы Титана, разреженные и холодные. Нас окутала бледная голубизна. Уже на высоте примерно тысячи километров я ощутил первое снижение скорости. Атмосфера Титана густая и глубокая, и я падал прямо в нее спиной вперед.

Первые три минуты посадки оказались худшими из всех. Мы врезались в атмосферу с межпланетной скоростью, но она стала резко падать. На высоте трехсот километров перегрузки из-за торможения достигли максимума — шестнадцать «же». Окутанный инерционным полем Пула, я ощущал лишь легкую тряску, но гондола трещала и гремела, все ее стыки и структурные элементы боролись с предельной нагрузкой. Перед нами шла ударная волна, корабль окутала раскаленная газовая шапка: рассеивающаяся кинетическая энергия гондолы превращала воздух Титана в плазму.

К счастью, этот жесткий этап посадки был

милосердно коротким. Но мы все еще беспомощно падали. Через три минуты мы оказались на высоте полутора сотен километров и вошли в густеющую оранжевую дымку — органические продукты распада атмосферного метана под действием солнечных лучей. Пул набрал какую-то команду на панели. Над головой хлопнул вышибной заряд, запустив вытяжной парашют диаметром около двух метров. Он стабилизировал нас в густеющем воздухе, развернув спинами к Титану, лицом к небу. Затем развернулся основной парашют, ободряюще раскрываясь надо мной.

Минут пятнадцать мы дрейфовали, медленно погружаясь в глубокий океан холодного застойного воздуха. Пул и его коллеги собирали информацию с датчиков, измерявших физические и химические свойства атмосферы. Я молча лежал. Мне было любопытно, но страх за свою жизнь все не отпускал.

По мере погружения в углеводородный смог температура возрастала. Парниковый эффект, создаваемый производными метана, нагревает атмосферу Титана сильнее, чем следовало бы. На высоте шестидесяти километров мы пробили слой углеводородных облаков и опустились

в более прозрачный воздух, а затем, на сорока километрах, прошли тонкий слой метановых облаков. Здесь температура была близка к минимуму — всего лишь градусов на семьдесят выше абсолютного нуля. Вскоре она снова начнет подниматься, потому что водород, образующийся в ходе других реакций метана, создает иной парниковый эффект, согревающий тропосферу. Загадочный метан, которого здесь не должно быть, согревает атмосферу Титана до самой поверхности.

Через пятнадцать минут спуска основной парашют был сброшен, а взамен раскрылся маленький стабилизирующий парашютик. Очень маленький. Мы начали падать куда быстрее в этот глубокий воздушный океан.

— Лета! — воскликнул я. — Высота еще сорок километров!

Дзик рассмеялся.

— Ты хоть что-нибудь знаешь о планете, которую якобы охраняешь, куратор? Воздух здесь плотный, а сила тяжести низкая, всего лишь одна седьмая от земной. Под тем большим парашютом мы болтались бы в воздухе целый день…

Гондолу дернуло в сторону порывом ветра. Ну, зато хоть Дзик заткнулся. Но по мере нашего

падения ветер ослабевал, пока воздух не стал неподвижным, как глубокая вода. Теперь мы были погружены в оранжевый нефтехимический туман. Тем не менее солнце было ясно видно отсюда — яркая светящаяся точка, окруженная желтовато-коричневым гало. Ученые начали получать информацию о спектре солнечного гало, собирая данные об аэрозолях — взвешенных в воздухе твердых или жидких частицах.

Постепенно внизу стала видна и поверхность Титана. Я развернулся, чтобы получше ее разглядеть. Кучевые облака паров этана зависли над континентами из водяного льда. На поверхности я увидел крапчатый узор, состоявший из темных и белых пятен — они раскинулись на огромных площадях. Повсюду виднелись ударные кратеры и узкие извилистые долины, оставшиеся после потоков жидкого этана или метана. Команда продолжала собирать данные. Акустический излучатель посылал вниз сложные звуковые импульсы. Мириам показала, как некоторые эхо отражаются дважды — от поверхностей и от дна кратерных озер вроде того, куда спускался один из моих зондов.

Гондола покачивалась, вися на парашюте. Пул уменьшил инерционную экранировку, и при

силе тяжести в одну седьмую от земной мне стало удобно в толстом и мягком костюме. Ученые негромко перебрасывались малопонятными фразами. Кажется, я даже ненадолго уснул.

Вдруг — резкий рывок, и я мгновенно проснулся. Парашют отстегнулся и теперь медленно дрейфовал в сторону, пошевеливая стропами наподобие медузы. В плотном воздухе и при малой силе тяжести мы падали очень медленно, но все же падали!

А потом, когда Дзик рассмеялся, увидев мое лицо, над нами раскрылся новый купол — точнее, шар. Это был самый настоящий воздушный шар диаметром метров сорок или пятьдесят. Гондола висела под ним на нескольких тонких веревках. Я увидел, как из ее корпуса появился шланг и, извиваясь, проник в устье шара, который начал надуваться.

— Так вот что у вас за план! — догадался я. — Облететь Титан на воздушном шаре! Не очень-то крутое достижение для человека, который сооружает межпланетные червоточины, правда, Пул?

— Но в том-то все и дело! — вспылил Пул, как будто я усомнился в его мужественности. — Мы здесь шныряем прямо под носом у твоих кураторов, Эмри. И чем тише станем себя вести, тем

лучше.

— Эту часть экспедиции разрабатывала я, — сказала Мириам. — Мы будем лететь на этой высоте, около восьми километров — заведомо выше любых проблем с неровной поверхностью, но ниже большинства облачных слоев. Так мы соберем все необходимые научные данные. Пары недель нам вполне хватит.

— Две недели провести в этом костюме!

Пул постучал по стенке гондолы.

— Вообще-то эта штуковина расширяется. Ты сможешь раздеться. Роскошных условий не обещаю, Эмри, но тебе будет достаточно удобно.

— Когда придет время, мы уйдем с этой высоты, — объяснила Мириам. — На «Крабе» нет орбитального катера, способного приземлиться, но Гарри пошлет вниз разгонный модуль, тот состыкуется с нами и поднимет гондолу на орбиту.

— Так у нас нет возможности самим выйти на орбиту?

— В гондоле такого оборудования нет, — спокойно ответила Мириам. — Из-за ограничения по массе. Нам необходимо оставаться ниже порога датчиков слежения. Если ты не забыл, нам нужно изображать из себя автоматический зонд. Не волнуйся, это не та проблема.

— Эмм… — Можете назвать меня трусом. Многие так и называли. Но мне очень не понравилась мысль о том, что мой единственный вариант эвакуации с этой чертовой луны находится в тысяче километров от меня и зависит от сложной последовательности маневров по сближению и стыковке. — А что держит нас на плаву? Водород или гелий?

— Ни то ни другое. — Пул показал на тянущийся к шару шланг. — Это шар с горячим воздухом, Эмри. Монгольфьер.

И он прочитал мне лекцию об оптимальности такого решения, если необходимо летать над Титаном на воздушном шаре. Плотный воздух и низкая сила тяжести делают Титан весьма благоприятным для воздушных шаров, а при таких низких температурах достигается сильное расширение газа в ответ на сравнительно небольшое количество тепловой энергии. Вставьте эти факторы в уравнение по выбору оптимального решения, которые так нравятся людям вроде Пула, и в результате получите для Титана монгольфьер в роли наилучшего транспортного средства с низким потреблением энергии.

— Мы сидим в шаре, а не в дирижабле, поэтому не можем менять направление полета, — сказала

Мириам. — Но в миссиях вроде этой нас вполне устраивает и то, куда нас понесет ветер. Ведь мы всего лишь собираем образцы экосферы. И в определенных пределах мы все же можем выбирать курс. На Титане преобладают восточные ветры, а на высоте ниже двух километров появляется сильный западный компонент. Это приливная волна, создаваемая Сатурном в плотных нижних слоях воздуха. Поэтому мы можем выбирать направление полета, просто опускаясь или поднимаясь.

— Дополнительно при этом маскируясь, так? Ведь двигатели не нужны.

— В этом и заключается наша идея. Мы ведь прибыли утром по местному времени. Сутки на Титане равны пятнадцати земным, и мы сможем многое узнать до вечера — тем более что я намереваюсь следовать за дневным светом. Сейчас мы направляемся к южному полюсу, где стоит лето.

Даже мне было известно, что на полюсе метан и этан собираются в открытые озера — а это единственные подобные скопления жидкости в системе, если не считать Землю и Тритон.

— Лето на Титане, — ухмыльнулся Пул. — И мы передвигаемся на старейшем летательном аппарате над спутником Сатурна!

Мириам улыбнулась в ответ, и их руки в перчатках соединились.

Над нами похлопывал и раздувался шар, наполняясь горячим воздухом.

Глава шестая
Приземление

Итак, мы летели над промерзшим ландшафтом Титана, направляясь к южному полюсу. Майкл пока не стал расширять гондолу, и мы сидели в ужасной тесноте, так и не сняв костюмы, но по крайней мере без шлемов. Тем временем после входа в атмосферу команда начала новую серию проверок всех систем. Мне же делать было совершенно нечего, разве что глазеть через прозрачный корпус на ползущие по тусклому небу облака, очень похожие на земные, или же коситься через плечо на разворачивающийся внизу ландшафт.

К этому времени мы уже достаточно снизились, чтобы можно было разглядеть подробности. Я увидел, что темные области — это на самом деле длинные полосы дюн, которые ветер выстроил параллельными рядами. По грунту словно кто-то прошелся граблями, он напоминал огромный сад камней. Более светлые области, которые мы видели из космоса, оказались выходами светлых скальных пород, эти ровные плато были иссече-

ны шрамами ущелий и долин. На этой широте открытых водоемов не встречалось, но они наверняка существовали в недавнем прошлом: это было видно по долинам и по берегам высохших озер. Этот ландшафт из дюн и ущелий испещряли круглые шрамы — вероятно, следы метеоритных ударов. Были тут и разрозненные куполообразные возвышения с кальдерами неправильной формы, вулканы. Я узнал, что все они имеют названия, которые несколько веков назад дали им земные астрономы, когда они корпели над первыми фотографиями этого ландшафта, полученными с автоматических зондов. Но поскольку сюда никто так никогда и не прилетел, эти названия, одолженные у исчезнувших мифов и мертвых богов, не прижились.

Краем уха я слышал, как Пул и остальные обсуждают научную программу. Как и на Земле, атмосфера здесь состояла в основном из азота, но содержала пять процентов метана, и этот метан был ключом к чудесам и тайнам Титана. Даже если не брать его загадочную роль в парниковом эффекте, который стабилизирует атмосферу, метан также был ключом к здешним многоступенчатым органическим реакциям. В нижних слоях атмосферы метан реагирует с азотом, обра-

зуя сложные соединения, называемые толинами. Это своего рода пластик, выпадающий на землю грязноватым дождем. Когда эти толины падают в жидкую воду — например в подогретые ударом кратерные озера, — образуются аминокислоты, а это, в свою очередь, строительные кирпичики формы жизни, подобной жизни на Земле…

Прислушиваясь к тому, как они спорят, я вдруг поразился, что никто из них, вообще-то, не начинал свою карьеру как биолог или климатолог. Пул и Берг были физиками, а Дзик — инженером и позднее руководителем проектов. Готовясь к этой экспедиции, Берг и Дзик прошли специализированное обучение на хорошем академическом уровне. Все они думали, что проживут еще долго — будут периодически получать новое образование и осваивать при необходимости совершенно иные профессии. У меня подобных амбиций никогда не было. С другой стороны, несмотря на технологии антистарения, я почему-то не предполагал, что доживу до какого-то почтенного возраста.

Но даже в эти первые часы на Титане в их разговорах проскальзывало сомнение. Их все-таки волновали этические последствия того, что они собирались сделать, и эти сомнения всплыли

теперь, когда они оказались вдали от подстрекательств Гарри Пула.

— В какой-то момент придется решать вопрос о том, что делать, если мы действительно найдем здесь разумную жизнь, — сказала Мириам.

Дзик покачал головой.

— Иногда мне даже не верится, что мы здесь и ведем этот разговор. Я точно помню, что ты сказал в Печеной Аляске, Майкл: «Вся Солнечная будет стучаться к нам в дверь, чтобы это увидеть, — если только мы сможем придумать способ, как защитить экологию… А если не сможем, то просто захлопнем эту проклятую червоточину. А средства на постройку „Коши“ будем добывать каким-нибудь другим способом». Вот что ты тогда сказал.

— Черт побери, Билл, это было тринадцать лет назад, — резко ответил Пул. — Ситуации меняются. Люди меняются. И наш выбор, что и как мы хотим менять, — тоже.

Пока они спорили, только я смотрел вперед — туда, куда плыл наш шар. Я уже мог разглядеть сквозь дымку первые признаки этановых озер в полярных регионах: кляксы угольно-черной жидкости, окруженные фрактальными ландшафтами. Все это напоминало модель земной

Арктики, изображенную в условных цветах. Вдруг мне показалось, что я заметил движение — что-то там поднималось с этих озер. Может, туман? Но для тумана силуэты были слишком плотные.

А потом эти непонятные тени вынырнули сверху из дымки: несомненно, они были вполне материальны — и они приближались.

Я нахлобучил на голову шлем и покрепче ухватился за кресло.

— Если вы быстренько сейчас что-нибудь не предпримете, у нас вскоре может вообще не оказаться никакого выбора, — сказал я.

Они озадаченно уставились на меня, а затем посмотрели вперед — и увидели то же, что и я.

Эти штуки были похожи на чернокрылых птиц с белыми линзообразными телами. Их крылья действительно били по плотному воздуху, когда они взлетали из полярных морей, вполне убедительно имитируя полет земных птиц в земной атмосфере. Странно, но голов у них, похоже, не было.

И они явно направлялись прямо к нам.

— Лета… Сбросить давление! — рявкнул Майкл.

Он ткнул пальцем в панель, и остальные то-

же схватились за приборы, спешно натягивая шлемы.

Я ощутил, как шар просел, когда из его оболочки выпустили горячий воздух. Мы опускались — но медленно, как во сне, а птицы с каждой секундой приближались и росли на глазах.

А потом они набросились на нас. Они пронеслись над гондолой, заполнив все небо. Их черные крылья двигались абсолютно неестественно — слишком плавно, как в мультфильме, — земные птицы летают иначе. К тому же эти создания были просто огромными, метров по десять-пятнадцать в поперечнике. Мне показалось, что я их как будто слышу: сквозь плотный воздух Титана доносились хлопки и шуршание.

И вот они воткнулись в оболочку шара. Ткань была рассчитана на то, чтобы выдерживать метановые дожди Титана, но никак не на подобную атаку, и моментально разодралась в клочья. Порванные нити заколыхались в воздухе. Некоторые птицы запутались в нитях или врезались друг в друга и с шуршанием упали. Одна прямо налетела на гондолу, ее смяло, как ненужную салфетку, и птица понеслась вниз бесформенным комком.

Мы тоже стали падать следом за нашей жерт-

вой-убийцей. С высоты восьми километров мы опускались очень долго. В плотном воздухе и при малой силе тяжести на Титане мы вскоре достигли конечной скорости падения. Нам хватило времени пристегнуться, а Пул с коллегами спешно готовили все системы к экстренной посадке. В последние секунды Пул затопил гондолу пеной, которая заполнила весь ее объем и жестко зафиксировала нас в креслах, мы сидели как куклы в упаковке — незрячие и обездвиженные.

Я ощутил сильный удар, когда мы врезались в грунт.

Глава седьмая
Сели

Пена ушла, а мы остались сидеть рядком, как спеленатые младенцы. На Титан мы опустились так же, как входили в атмосферу — спиной вперед, и теперь лежали в накренившейся гондоле, поэтому я навалился на Мириам, а сзади меня подпирал Билл Дзик. Корпус гондолы опять стал непрозрачным, поэтому мы лежали в тесной жемчужной раковине, но внутреннее освещение и всевозможные панели приборов все еще работали, хотя на многих тревожно моргали красные надписи.

Команда быстро запустила рутинные проверки. Я не обращал на них внимания. Я был жив. Я дышал, воздуха хватало, и самым неприятным для меня сейчас была объемистая туша Дзика, прижатая к моему боку. Значит, ничего не сломано. Но все же я испытал приступ такого же острого страха, как и мой виртуальный близнец, когда тот узнал, что обречен. Может быть, во мне зашевелился его призрак, все еще дрожащий от ужаса?

И еще я вывалил в костюм все содержимое кишечника. Это никак нельзя назвать приятным опытом, какой бы совершенной ни была система утилизации отходов. Зато это напомнило мне, что я всего лишь слабое животное, затерянное в космосе. Пусть это и оправдание для моей трусости, но оно наполняет меня смирением и реализмом, которые ставят меня выше спесивой надменности Майкла Пула.

Болтовня о технических проблемах наконец смолкла.

— Свет горит, — сказал я. — Полагаю, электричество у нас есть.

— Чтобы разбить мой ВЕТ-двигатель, нужен удар посильнее этого, — мрачно заверил Майкл.

— Если бы мы лишились источника энергии, ты уже превратился бы в ледышку, Эмри, — презрительно бросил Дзик.

— Заткнись, Билл, — негромко проговорила Мириам. — Да, Эмри, у нас все неплохо. Герметичный корпус цел, у нас есть электричество, обогрев, воздух, вода и еда. В ближайшее время мы не умрем.

Но я вспомнил о местных птицах и подумал: откуда у нее такая уверенность?

Пул начал расстегивать ремни.

— Нужно провести наружный осмотр, — решил он. — Определить, какие у нас есть варианты.

Мириам тоже отстегнулась и сказала мне с улыбкой:

— Он такой романтик, правда? Сейчас первый человек ступит на Титан, а он называет это наружным осмотром.

Она стала неожиданно приветливой. Очевидно, после катастрофы у нее появилось чувство, что между нами есть какая-то связь.

— Да-да, конечно, — буркнул Пул, но я заметил, что он смягчился.

— Шевелись, Эмри, — буркнул Дзик и ткнул меня локтем в ребра — так сильно, что я ощутил боль даже через толстый костюм.

— Оставь меня в покое.

— Мы тут упакованы, как сельди в бочке. Если идет один, значит, выходят все.

Что ж, он прав. Выбора у меня не осталось.

Пул заставил нас выполнить проверку костюмов, их встроенных батарей и герметичности сочленений. Потом он выпустил воздух и открыл верхний люк. Я увидел мрачное бурое небо, очень темное по сравнению с яркостью внутреннего освещения, и падающие с него черные снежинки. Люк был дверью в этой утробе из металла и

керамики, а за ней таилась неизвестность.

Мы выбрались из люка в порядке, обратном тому, в каком забирались: Пул, Дзик, я и Мириам. Сила тяжести в одну седьмую земной напоминала мне пребывание на Луне, так что я перемещался с достаточной легкостью. Когда я оказался снаружи, фонари на моем комбинезоне автоматически вспыхнули в темноте.

Я спрыгнул с высоты примерно в метр и сделал свой первый шаг на Титане. Под ногами захрустел песок. Я знал, что это водяной лед, твердый, как стекло. Песчаную поверхность покрывала рябь, как после отлива. Повсюду валялась галька, щербатая и потертая. На меня давил ветер, медленный и сильный, и я услышал его низкий басовитый стон. Стекло шлема забрызгало каплями черного дождя.

Мы стояли тесной кучкой, неповоротливые в своих костюмах, — единственные люди на этой планете, которая, вообще-то, была крупнее Меркурия. За границами лужицы света от наших фонарей совершенно незнакомый ландшафт простирался вдаль, в непроглядную темноту.

Мириам наблюдала за мной.

— О чем ты думаешь, Джовик?

Насколько мне известно, это были первые сло-

ва, произнесенные человеком на Титане.

— Почему ты спрашиваешь именно меня?

— Потому что ты единственный, кто смотрит на Титан, а не на гондолу.

Я хмыкнул.

— Я думаю о том, насколько здесь все похоже на Землю. Словно стоишь где-то на пляже или в пустыне. Песок, камешки… И на Марс тоже похоже, на местность возле Кахры.

— Конвергентные процессы, — пренебрежительно бросил Дзик. — Но ты здесь совершенно чужеродное тело. На Титане твоя кровь горяча, как расплавленная лава. Смотри, как от тебя распространяется тепло.

Глянув вниз, я увидел пар, поднимающийся из-под моих ног.

Мои спутники осмотрели гондолу. Ее герметичный внутренний корпус был достаточно прочным, чтобы защитить нас, а вот внешний оказался помятым и поврежденным. С гондолы сорвало всякие антенны и приборы, а сама она зарылась в лед.

Пул созвал нас на военный совет.

— Ситуация следующая. От шара ничего не осталось, его порвало в клочья, мы его потеряли. Важнейшие системы гондолы в порядке, но са-

мое главное — уцелел источник энергии. — Он стукнул по гондоле кулаком в перчатке. В плотном воздухе я услышал глухой удар. — Внешний корпус сильно потрепало. Мы не сможем его расширить. Боюсь, нам придется остаться в костюмах.

— До каких пор? — уточнил я. — Пока не надуем запасной шар?

— У нас на борту нет запасного, — сказал Дзик, и у него хватило такта изобразить смущение. — Мы провели анализ достоинств и недостатков такого решения…

— Неправильно провели! — огрызнулся я в ответ. — Как нам теперь убраться с этой проклятой луны? Ты говорил, что для этого нам нужно совершить какую-то идиотскую стыковку в воздухе.

Пул постучал себя по груди, и в воздухе возникло виртуальное изображение головы Гарри.

— Хороший вопрос, — сказал тот. — Я сейчас работаю над альтернативами. Сделаю еще один шар, потом спущу его вам. Как только гондола снова окажется в воздухе, я без труда вас подберу. А тем временем, — добавил он более жестко, — вам там есть чем заняться. Время поджимает.

— Когда мы вернемся на корабль, — сказал Дзик Пулу, — ты его подержишь, а я убью.

— Он мой отец, — возразил Майкл. — Я сам его убью.

Гарри растворился в облачке пикселей.

— Слушайте, вот что мы сделаем, — решил Майкл. — Если мы хотим завершить научную программу, нам необходимо как-то передвигаться. Мы не можем выполнить всю работу, сидя на южном полюсе. Нам нужна мобильность. У гондолы есть колеса, так что она послужит нам транспортом. Но сперва ее нужно откопать и переделать. Кстати, Гарри был прав насчет того, что время ограничено. Предлагаю нам с Биллом заняться переделкой гондолы, а ты, Мириам, бери Эмри и посмотри, какие исследования вы сможете провести на озере. До него всего пара километров. — Он сверился с электронной картой на запястье. — В ту сторону.

— Хорошо.

С типичной для низкой гравитации плавностью Мириам запрыгала к люку и достала из гондолы ранец с оборудованием.

Я понял, что мне совершенно не хочется уходить от гондолы, — это было хоть и потрепанное, но все же укрытие.

— А как насчет тех птиц?

Мириам спрыгнула обратно и приблизилась

ко мне.

— После посадки мы не видели больше и следа этих тварей. Пошли, куратор. Это отвлечет тебя от мыслей о том, как ты перепуган.

И она зашагала в темноту, удаляясь от пятна света возле гондолы.

Пул и Дзик уже отвернулись. У меня не осталось иного выбора, кроме как последовать за ней.

Глава восьмая
Озеро

Ходьба на любые расстояния оказалась на удивление трудной.

Многослойный термоизолирующий костюм был объемистым и неудобным, но хотя бы гибким. Этим он отличался от предназначенных для вакуума лунных скафандров — там из-за внутреннего давления даже лучшие облегающие скафандры становились очень жесткими. Но на Титане всегда ощущается сильное сопротивление воздуха. Здесь у поверхности его давление в полтора, а плотность — в четыре раза больше, чем на Земле. Ощущения почти такие же, как при ходьбе под водой. И при этом сила тяжести настолько мала, что, едва отталкиваясь ногой от песка, все время норовишь взлететь. Мириам показала, как удлинить острые шипы на подошве, чтобы ботинки крепче впивались в рыхлый песок.

Именно эта плотность воздуха и является основной проблемой на Титане: тебя словно омывает чрезвычайно холодная жидкость с температурой выше абсолютного нуля менее чем на

сто градусов, и она с энтузиазмом высасывает из тебя тепло. Поэтому я всегда помнил о молчаливой поддержке обогревательной системы в моем костюме и о батареях, которых хватит не больше чем на два-три часа.

— Выключи фонари, — посоветовала Мириам, когда мы прошли пару сотен метров. — Экономь энергию.

— Предпочитаю видеть, куда иду.

— Глаза скоро приспособятся. А в щитке шлема есть усилители изображений, настроенные на местную яркость… Выключай, Джовик. Иначе я сама их выключу, потому что из-за твоего света я тоже почти ничего не вижу.

— Ладно, черт побери.

Выключив фонари, я погрузился в бурую муть — будто осеннее небо заволокло дымом лесного пожара. Но глаза все-таки приспособились, а щиток слегка улучшал видимость. И передо мной развернулся Титан — равнина из песка и обглоданного ветром щебня под оранжево-коричневым небом. Опять же, очень похоже на Марс, если знаешь, как он выглядит. В небе проплывали облака из метана или этана, а над ними висела дымка — слой органической взвеси толщиной в десятки километров. Как ни удивительно, но

сквозь нее я даже разглядел солнце — искорку низко над горизонтом, — а напротив него половинку Сатурна, гораздо более крупного, чем Луна на земном небе. Других его спутников или звезд, а уж тем более «Краба», я не увидел. Местная палитра сплошь состояла из темно-красного, оранжевого и коричневого. Вскоре мои глаза затосковали по земной зелени.

Обернувшись, я не увидел никаких признаков гондолы: ее огни уже затерялись в дымке. Зато я заметил, что мы оставляем четкие цепочки следов. И со страхом подумал, что это единственные следы на всей планете.

Мы начали спускаться по пологому склону. Я увидел линии на песке, похожие на отметки приливов.

— Кажется, мы подходим к озеру.

— Да. Здесь, на южном полюсе, лето. В этот период озеро испаряется, а на северном полюсе выпадают дожди из жидкого этана. Через пятнадцать лет, половину сатурнианского года, здесь будет зима, а там лето, и цикл повторится наоборот. На небольших планетах климатические системы просты, Джовик. Не сомневаюсь, куратору это хорошо известно…

Мы подошли к берегу этанового озера. В туск-

лом свете оно казалось черным, как деготь, по нему ползла ленивая рябь. Тут и там на поверхности жидкости лежало нечто более твердое: круглые листы, напоминающие водяные лилии, отвратительно маслянистые. Озеро тянулось до заметно выпуклого горизонта, хотя он расплывался в мутном воздухе. Поразительное это было ощущение — стоять на берегу такого «водоема» на чужой планете, где океан черного цвета, а небо и берег — коричневые. Но все же я и здесь увидел сходство с Землей. Мы стояли на чем-то вроде пляжа. Осмотревшись, я понял, что мы находимся как бы у залива, а справа, в нескольких километрах от нас, река черной жидкости пробила широкую долину и, разлившись дельтой, впадала в море.

Я поглядел в ту сторону и заметил что-то, лежащее на берегу, — что-то черное и смятое, с бледным пятном посередине.

Мириам захотела взять из озера образцы — особенно с тех дисков, что плавали на поверхности. Она открыла ранец и достала «руку» — дистанционный манипулятор с клешней-захватом. Пристегнув ее к предплечью, она вытянула руку, и я услышал жужжание моторов экзоскелета. Когда захват сомкнулся на одной из «лилий»,

некоторые из них распались на ленты, напоминавшие черные водоросли. Но манипулятор при этом поднял в воздух длинные полосы какой-то пленки, которая сразу напомнила мне зловещие крылья атаковавших нас птиц.

Находка привела Мириам в восторг.

— Жизнь? — догадался я.

— Она самая. Впрочем, мы и так знали, что она здесь есть. И даже взяли образцы с помощью автоматических зондов. Хотя таких птиц мы прежде никогда не замечали. — Она взвесила на руке пленку, обернувшуюся вокруг перчатки, и посмотрела на меня. — Интересно, ты хотя бы понимаешь, насколько она необыкновенная? Я совершенно уверена, что это силановая жизнь. То есть она основана на химических соединениях кремния, а не углерода…

Штуковины на озере действительно смотрелись как угольно-черные лилии. Но они не были лилиями, и даже отдаленно не напоминали те формы жизни, к которым принадлежал и я.

Жизнь нашей химической разновидности основана на длинных молекулах и растворителе, благодаря которому компоненты этих молекул склеиваются друг с другом. Земную разновидность жизни Мириам назвала «жизнь CHON»,

потому что у нас основными элементами являются углерод, водород, кислород и азот, вода служит растворителем, а строительными блоками — молекулы на основе углерода: этот элемент может образовывать цепочки, кольца и длинные стабильные молекулы, такие как ДНК.

— Но углерод не единственный вариант, и вода тоже, — сказала Мириам. — При земных температурах кремний образует с кислородом очень стабильные молекулы.

— Силикаты. Камни.

— Совершенно верно. Но при очень низких температурах кремний может образовывать силанолы, аналоги спиртов, которые способны растворяться в очень холодных растворителях — например в этом этановом озере. Растворяясь, они наполняют озеро длинными молекулами, аналогичными нашим органическим молекулам. Далее они могут связываться в полимеры через связи между атомами кремния — силаны. Эти связи слабее, чем в углеродных молекулах при земных температурах, но это как раз то, что нужно для низкоэнергетической и холодной среды, как здесь. Взяв за основу силаны, можно придумать все виды сложных молекул, аналогичных нуклеиновым кислотам и белкам…

— Именно то, что мы здесь имеем.

— Совершенно верно. Чудненькие сложные биомолекулы, с которыми может поиграться эволюция. Они вообще распространены на еще более холодных внешних планетах — например на Тритоне, спутнике Нептуна. Но и это озеро достаточно холодное. Поток энергии будет здесь настолько низким, что понадобится очень много времени на рост и эволюцию чего бы то ни было. Но на Титане времени достаточно. — Она стряхнула черную пленку с захвата манипулятора обратно в озеро. — Мы столького еще не знаем. Тут должны быть и экосистема, и пищевая цепочка. Возможно, эти пленки являются первичными производителями, эквивалентом планктона в наших океанах. Но откуда они берут энергию? И как выживают во время ежегодного пересыхания озер?

— Хорошие вопросы. Жаль, что меня они не волнуют.

Она уложила бутылочки с образцами в ранец.

— Думаю, они волнуют тебя гораздо больше, чем ты готов признать. Люди с таким интеллектом, как у тебя, всегда любопытны. Любопытство всегда идет в довесок к интеллекту. Но нам пора возвращаться к гондоле.

Я замешкался. Ужасно не хотелось доказывать ее правоту — что в моей душе действительно скрывается зернышко любопытства. Но все же я показал на таинственный черный предмет, лежащий чуть поодаль на берегу.

— Может, нам сперва нужно взглянуть на это?

Она бросила взгляд на непонятный предмет, потом на меня и без лишних слов зашагала в ту сторону.

Как я и подозревал, эта черная штука оказалась птицей. Я вспомнил, как одна из них ударилась о гондолу во время нападения и упала. Возможно, перед нами была именно она.

Мы увидели кусок льда размером с мою голову, обернутый в рваный лист черной пленки. Мириам с превеликой осторожностью, словно рождественский подарок, развернула эту пленку манипулятором. Ледяная масса оказалась не сплошной: ее пустотелую середину окружала мешанина веретенообразных распорок и стерженьков. Они были сильно повреждены падением. Мириам взяла образцы и палочек, и пленки.

— Этот кусок льда кажется очень легким для его размера, — заметил я. — Как кости у птиц.

— Что вполне логично, если это летающее су-

щество. — Мириам заговорила с нарастающим волнением. — Джовик, взгляни. Эти пленки, они же крылья, практически не отличаются от образцов, которые я собрала на поверхности озера. Значит, это силаны. Но структура льда иная. — Она отломила кусочек и направила на него свет. Мы увидели множество тончайших, как волокна, льдинок. Структура была почти губчатой. Внутри тонких ледяных соломинок были видны ниточки чего-то похожего на застывшую воду. — Здесь много органики, — сообщила она, посмотрев на встроенный в манипулятор дисплей. — Причем органики нашего типа, жизни CHON, углеродно-водяной: аминокислоты, какая-то разновидность ДНК. Ничего себе, сколько голово-ломок. Не считая уже самого факта, что мы нашли жизнь здесь, возле озера. Образцы жизни CHON и прежде находили на Титане. Но до сих пор считалось, что углеродно-водяная жизнь может существовать здесь только в расплавленных от ударов метеоритов кратерных озерах, а мы сейчас от них очень далеко…

Она говорила все более страстно — такой энтузиазм всегда казался мне привлекательным.

— Я думаю, это птица, одна из тех, что напали на нас. Но, кажется, это композитное существо,

симбиоз этих углеродных крыльев и куска льда — силановая жизнь, живущая бок о бок с CHON-жизнью! Хотела бы я знать, как такое вообще могло произойти… Но, наверное, и в нашей биосфере можно отыскать примеры не менее хитроумных стратегий выживания. Дайте эволюции достаточно времени, и возможно все. Но вот что они вместе хотят, что оба участника симбиоза получают от таких отношений…

Это настоящее открытие, Джовик. Никто такого еще не видел — как две совершенно разных формы жизни работают вместе. И если бы не ты, я бы ее не заметила. — Она протянула мне кусок льда. — Наверное, это открытие назовут в твою честь.

Энтузиазм у нее был заразителен, но не до такой же степени.

— Ладно. Но сейчас меня тревожит только то, сколько энергии осталось у нас в обогревателях. Пошли обратно.

Мириам уложила в ранец останки птицы — вклад Джовика Эмри в науку, и мы направились по своим следам к гондоле.

Глава девятая
Гондола

Дни на Титане очень долгие, и когда мы вернулись к гондоле, в ландшафте или в небе ничего не изменилось и ни одна размытая тень не сдвинулась с места. Пул и Дзик деловито устанавливали большие надувные колеса на оси, закрепленные под поврежденным корпусом.

Когда они закончили, мы вернулись в гондолу. Пул отрегулировал несколько внутренних ламп, чтобы они светили в зеленом, желтом и голубом спектрах, и мы с облегчением погрузились опять в яркий земной свет.

На этом импровизированном грузовике-гондоле мы и отправились выполнять следующий этап экспедиции. Мне сказали, что мы едем к ударному кратеру, где должна быть жидкая вода. Кратер этот находился неподалеку от криовулкана — еще одного интересующего нас объекта. До нужного места было всего около сотни километров от места приземления.

Мириам перегрузила собранные образцы в холодильник, а некоторые пропустила через

небольшой полевой анализатор, после чего начала трещать о полученных результатах. Пул поддакивал ей чаще, чем Дзик, но и он был не очень разговорчив.

Дзика и Пула больше интересовали возможности переоборудованной гондолы. Как мальчишки-переростки, они сидели за импровизированной водительской консолью и спорили из-за передаточных чисел и проходимости больших шин. Пул даже настоял, что будет управлять гондолой вручную, хотя Титан сам по себе настолько плоский и скучный, что большую часть пути с этим легко справился бы и автопилот. Я убедился, что они совершили ошибку, не взяв с собой в подобную экспедицию специалистов-биологов. Одна лишь Мириам проявляла искренний интерес к биоценозам, которые мы собирались изучать, а Пула и Дзика слишком легко отвлекла техника — но она ведь, в конце концов, всего лишь средство, а не цель.

Тем не менее они немного переделали интерьер, и в гондоле стало уже не так тесно. Кресла разделили и установили по окружности кабины: теперь можно было сидеть, не касаясь локтями соседей. Кабину загерметизировали, поэтому мы смогли снять шлемы. И хотя расширяемые стены

больше не работали, стало достаточно просторно, чтобы один из нас мог даже снять костюм. Пул приказал нам делать это по очереди, потому что мы не снимали их уже несколько часов. Как костюмам, так и нам самим пора было пройти кое-какое «техобслуживание». Пул отгородил ширмой уголок, где снятые костюмы могли выполнить функции самопроверки и обновления, пока мы принимали душ — из воды, добытой путем утилизации мочи и пота. Почему-то считалось, что такая вода намного безопаснее, чем растопленный местный лед. Пул воспользовался душем первый, затем пошла Мириам. Она торопилась, потому что ей не терпелось вернуться к работе, и продолжала болтать даже под душем.

После Мириам настала моя очередь. Я встал под чуть теплые, едва моросящие капельки, но и они принесли облегчение, когда кожа стала впитывать воду. Все-таки я решил под душем не задерживаться. Неизвестные опасности Титана находились всего в нескольких сантиметрах от нас, за тонкими металлическими стенами гондолы, и мне не хотелось надолго оставаться без защиты костюма.

Следом за мной в душ отправился Дзик, и его костюм окутал нас поразительной вонью. А я по-

злорадствовал, что при всем бахвальстве Дзика его реакция на ужасы посадки оказалась столь же постыдной, как и моя.

Часа через два мы достигли нужного места. Облачившись снова в костюм, я сидел в кресле и смотрел из-за плеч Мириам и Пула на разворачивающийся впереди ландшафт. Криовулкан выглядел как холм, возвышающийся над горизонтом в нескольких километрах к западу от нас. Он был похож на щитовой вулкан, как Гавайи или гора Олимп на Марсе — плоский купол с кальдерой наверху. Сейчас он не извергался, но я видел, как языки застывшей «лавы» создали его склоны. Этой лавой был водяной лед, щедро приправленный аммиаком, который вырывался из странной мантии этой планеты — из водно-аммиачного моря в нескольких километрах под поверхностью Титана.

Что же касается озера в кратере вулкана, я увидел лишь равнину, плоскую и еще более безликую, чем большинство здешних равнин, присыпанную кое-где ледяным песком. Но озеро здесь точно было, только спрятанное от глаз. Пул вывел изображения с радара, показывающие ясные очертания ударного кратера в несколько километров шириной — он находился прямо

перед нами. Падающий астероид или комета — а в системе Сатурна, наверное, это был фрагмент кольца или кусок расшатанного приливными силами спутника — создавал при ударе мощный энергетический импульс. В результате воде хватало тепла, чтобы долгое время, целые тысячи лет, оставаться жидкой. Именно такое озеро здесь и сформировалось, затем оно покрылось тонкой корочкой льда, а ветер засыпал все песком. Но соленое озеро осталось там, в глубине, храня свое тепло.

А вдоль круглого берега мы увидели такие же губчатые громады, которые обнаружили на берегу полярного озера обернутыми в силановую пленку. Эти массивы располагались вокруг озера в довольно четком порядке, а многие виднелись поблизости от расщелин, ведущих, судя по всему, в глубину ледяных скал под нами. Мириам начала азартно собирать информацию.

Тем временем Пул корпел над изображениями, полученными с самого дна кратерного озера. Он обнаружил движение — размытые силуэты, занятые какими-то своими делами. На мой взгляд, они выглядели как машины, добывающие породу в карьере. Но у меня не было достаточно опыта, чтобы разбираться в таких изображениях, а Пул

не поинтересовался моим мнением, поэтому я промолчал.

Мириам приходила все в большее и большее волнение от своих новых находок. Она фонтанировала гипотезами, даже просто собирая данные и отправляя их Гарри на «Краб».

— Слушайте, по-моему, очевидно, что Титан — это место пересечения двух видов жизни — силанов из этановых озер и органических губок. Я провела быстрый анализ CHON-тканей. Они подобны нашим, земным, но не идентичны.

Для синтеза белков они используют немного иной набор аминокислот, и у них свой вариант ДНК: другой набор оснований и другая система кодировки. Силаны же подобны тем формам жизни, которые мы обнаружили в азотных прудах на Тритоне. Но опять-таки силаны им не идентичны, у них другой набор кремниево-кислородных молекулярных цепочек.

Возможно, обе формы жизни были занесены сюда через панспермию — естественный процесс распространения жизни между планетами, в форме чего-то вроде спор, выбитых с родной планеты ударами метеоритов и занесенных сюда солнечным ветром и гравитацией. Если органическая жизнь в Солнечной системе первоначально заро-

дилась на Земле или на Марсе, она легко могла попасть сюда, засеять кратерное озеро, а потом развиваться по иной эволюционной стратегии. Аналогично и силаны на полюсах нашли место для обитания и стали развиваться своим путем, независимо от родственников…

Перенос материалов из маслянистых этановых озер в кратеры с водой наверняка мог породить такие существа. Для возникновения жизни нужны мембраны, нечто, изолирующее внутренность клетки от внешней среды. А вода и масло не смешиваются, и при их соприкосновении такие мембраны возникают естественным образом.

Она покачала головой.

— Просто поразительно: здесь мы обнаружили место, где могут сосуществовать два вида жизни из разных концов Солнечной системы.

— Но есть одна проблема, — отозвался Дзик из душа. — И силаны, и губки обитают в изменчивой среде. Этановые озера пересыхают каждый местный год. А все кратерные озера через несколько тысяч лет замерзнут.

— Да, — согласилась Мириам. — И тем и другим необходимо мигрировать. И вот именно поэтому, я думаю, они и начали сотрудничать.

И она торопливо изложила нам версию о том,

как органические губки выбирались из озер и добирались до летнего полюса. Возможно, они попадали туда по глубоким расселинам, выбитым в ледяной коре Титана теми же метеоритами, что создавали те самые кратерные озера. Там, на глубине нескольких километров, вблизи аммиачного океана они могли найти жидкую воду. Холодную, соленую, совсем неподходящую для земных организмов, но это была жидкость, и она давала шанс выжить. А на полюсе они находили силановые лилии, плавающие на этановых морях. Лилиям, в свою очередь, требовалось мигрировать на зимний полюс, где шли драгоценные для них этановые дожди.

Мириам приставила кулак к ладони.

— Вот так они соприкоснулись, губки и лилии…

— И получились местные птицы, — договорил я.

— В этом вся суть. Они взлетают с озера, как мы и видели, направляясь на зимний полюс. А по дороге, возможно, сбрасывают губки в новые кратерные озера. Это настоящий симбиоз, при котором две совершенно разные формы жизни пересекаются — и сотрудничают, потому что без миграции ни одна из них в одиночку выжить не

сможет. — Она посмотрела на нас с неожиданным сомнением. — Мы всего лишь дилетанты. Наверное, любой компетентный биолог смог бы проделать в этой гипотезе дыры размером с кольца Сатурна.

— Никакой компетентный биолог на основе этих фактов не стал бы выдвигать какие-либо гипотезы, — сказал Дзик.

— Не стал бы, — послышался металлический голос виртуального Гарри. — Но ты хотя бы создала правдоподобную модель, Мириам. И для этого нам вообще не требуется обсуждать разумность здешних существ. Отличная работа.

— Но все еще остаются кое-какие вопросы, — сказала Мириам. — Возможно, губки обеспечивают этим птицам разумность или как минимум некую направленность. Но как быть с энергией? Ведь эти лилии — особо низкоэнергетическая форма жизни…

— Быть может, я смогу ответить, — сказал Майкл. — Я тут проделал собственный анализ. И могу немного рассказать об источнике энергии силановых лилий. Хотите верьте, хотите нет, но я думаю, что даже в таком пасмурном мире они занимаются фотосинтезом.

И он описал те обнаруженные им химические

реакции, которые, по его мнению, обеспечивают фотосинтез за счет совершенно иных веществ и биохимических процессов, чем основанный на хлорофилле фотосинтез зеленых земных растений.

— Ну конечно! — воскликнула Мириам. — Я сама должна была это заметить! Я так ни разу и не спросила себя, а что эти лилии делают, лежа на поверхности озера. Ловят солнечный свет!

Гарри тоже воодушевился.

— Слушай, сынок, если ты прав, ты, возможно, уже окупил эту экспедицию. Низкотемпературные фотосинтезирующие организмы на основе силана будут иметь огромную коммерческую ценность. Только подумай, ведь их можно будет выращивать в азотных озерах на Тритоне, а потом носиться по внешнему краю Солнечной на этих живых парусах.

Его широкая улыбка была видна даже на маленьком виртуальном изображении.

Пул и Мириам тоже улыбались, глядя друг на друга с сияющим видом. Их, как эти силановые лилии и органическе губки, тоже объединял своеобразный вариант симбиоза: создавалось впечатление, что им нужен восторг открытий и достижений, чтобы их потянуло друг к другу.

Что ж, в данный момент в гондоле царило радостное настроение — мы так не радовались с самого падения. Даже Билл Дзик, все еще стоявший под душем, издавал нечто вроде удовлетворенного похрюкивания.

И как раз в этот момент раздался хруст, словно металл гондолы стиснули огромные челюсти, и она опрокинулась набок.

Пул и Мириам зашатались и принялись выкрикивать друг другу команды. А я установил рекорд скорости надевания шлема.

Хруст повторился, затем звук разрывающейся оболочки — и чей-то вопль, он сразу превратился в клокочущий хрип и резко оборвался. Внутрь ворвался ледяной воздух, который я ощутил даже через теплоизоляцию костюма. Обернувшись, я увидел, что возле душевой кабинки зияет дыра, проделанная в тонком корпусе гондолы, а сквозь нее просвечивают темно-красные сумерки Титана. Нечто вроде клешни или огромной руки-манипулятора Мириам усердно кромсало корпус, расширяя дыру.

А обнаженный Билл Дзик, всего в паре метров от своего костюма, который мог бы его спасти, уже замерз насмерть.

Этого зрелища мне хватило. Я распахнул люк

в крыше гондолы и вывалился наружу, не дожидаясь Мириам или Пула. Спрыгнув на песок, я побежал, насколько здесь получалось бегать. Костюм по мере сил помогал мне. За спиной слышались хруст и треск. Я не оглядывался.

Отбежав на сотню метров, я остановился, задыхаясь, и обернулся. Пул и Мириам бежали следом. Мне немного полегчало — я хоть не оказался на Титане в одиночестве.

И тут я увидел, что стало с нашей гондолой. Машины, что сейчас разделывали ее, — а это были машины, тут я нисколько не сомневался — походили на ледяных пауков с веретенообразным телом длиной метров десять, с тремя ухватистыми клешнями на концах тонких (а другие при малой силе тяжести и не нужны) конечностей. Четыре, нет, пять таких штуковин трудились над обломками гондолы. Я увидел, что сперва они набросились на колеса, поэтому мы и перевернулись, а теперь проворно разбирали всю конструкцию на части. Более того, за ними я заметил цепочку таких же тварей, несущих серебристые фрагменты, которые могли быть только частями гондолы, вверх по склону, к вершине криовулкана. Некоторые из крупных деталей они оставили целыми, в том числе

модуль BET-двигателя, но уносили их с той же целеустремленностью.

Я понял, что через несколько минут на ледяной поверхности от гондолы мало что останется — кроме Билла Дзика. Обнаженный и уставившийся в небо замерзшими глазами, он стал малопривлекательным трупом, но все равно не заслуживал той судьбы, что на него обрушилась.

Перед нами из Виртуала выскочила голова Гарри Пула.

— Что ж, — прокомментировал он, — это несколько усложняет задачу.

Майкл махнул на него рукой и рассеял пиксели, как облачко мух.

Глава десятая
Пауки

— Дзик мертв, — сказал я. — И мы тоже.

Я повернулся к Майклу, сжав кулаки в толстых перчатках.

— Это все ты и твои абсурдные амбиции! Когда-нибудь они бы тебя точно погубили, а теперь они убили и нас!

Майкл презрительно фыркнул.

— А я просто жалею, что не засадил тебя в тюрьму на Земле и не оставил там гнить.

— О, Лета, — с отвращением произнесла Мириам. Она перебирала разбросанный мусор, оставшийся после пауков. — Вы хотя бы представляете, как нелепо смотритесь в этих костюмах? Как два плюшевых медведя, затеявших драку. В любом случае ты пока еще жив, Джовик. — Она подняла кусочки мусора, веревку, несколько инструментов, драгоценные бутылочки с образцами, странные яйцевидные предметы, легко помещавшиеся у нее в кулаке, и упаковки с едой.

У Майкла проснулось любопытство.

— А они не все забрали!

— Очевидно, нет. Фактически, как ты и сам бы заметил, если бы не был слишком занят, переругиваясь с пассажиром, они не забрали нас. Или Билла.

— А что же им тогда было нужно?

— Металл. Я так думаю. Они унесли все, что содержало значительное количество металла.

— А, ну да. — Пул посмотрел на пауков, которые брели к вершине вулкана, сжимая в огромных клешнях кусочки нашего корабля. — В этом есть смысл. На этой планете мало металла. И всегда было мало, с момента ее образования. Даже ее кора в основном состоит из легких силикатов, она больше похожа на мантию Земли, чем на наше железное ядро. Возможно, это как раз и объясняет, почему все зонды, попавшие на поверхность Титана за последние тысячу шестьсот лет, исчезли без следа. Не осталось ничего даже от твоих незаконных сборщиков образцов, Эмри. Их просто утащили из-за металла. И, может быть, — добавил он, ухватившись за новую идею, — именно это мы и видели на радарных изображениях в глубине кратерного озера. Помните, что-то там трудилось на дне, как в карьере? Возможно, это были другие пауки, они искали металлические

кусочки метеорита, создавшего этот кратер.

— Что ж, в любом случае они оставили нам немало полезного, — заметила Мириам, перебирая мусор. — Всю керамику, стекловолокно, пластик. И пакеты с едой. По крайней мере, голод нам не грозит.

Пул погрузился в теории, а она сосредоточилась на важных вещах, которые могут сохранить нам жизнь. Это красноречиво говорило о его высокомерной натуре.

— Но ведь они забрали и BET-двигатель, — резко возразил я. — Наш источник энергии. Без которого мы вскоре замерзнем здесь насмерть, какими бы сытыми мы ни были.

— И еще, кстати говоря, карты с резервными копиями личностей, — сказала Мириам. — Мы их хранили в блоке управления и обработки BET-двигателя, в самом надежном месте на гондоле. Если мы его потеряем, то утратим и последнюю копию бедняги Билла.

Я невольно посмотрел на быстрозамороженный труп Дзика на льду Титана.

Пул даже не обернулся. Он наблюдал за уходящими пауками.

— Они спускаются в кратер вулкана. А это дыра, ведущая в мантию, в аммиачное море, так ведь?

Но зачем они туда идут? И кто эти проклятые создания?

— Есть только один способ это узнать, — ответила Мириам.

Она взяла в правую руку одно из загадочных керамических яиц, нажала на стерженек, отчего яйцо засветилось красным, и швырнула его в ближайшего паука. Оно полетело по короткой дуге, замедляясь из-за плотного воздуха, — казалось, прошла целая вечность. Но бросок оказался точным, и яйцо упало в метре от паука.

И взорвалось. Очевидно, это была граната. Паук, к нашему удовлетворению, разлетелся на куски, а его уродливые клешни закувыркались в воздухе.

А Мириам уже мчалась в ту сторону. Нечего сказать, в целеустремленности ей не откажешь.

— Ну, давайте же! — крикнула она.

Мы с Пулом побежали за ней, не желая оставаться наедине с замороженными останками Билла.

— Зачем ты это сделала? — спросил Пул на бегу.

— Мы ведь хотим узнать, с чем имеем дело?

— А почему мы бежим?

— Чтобы добраться до него быстрее других

пауков.

И точно: другие пауки, все еще нагруженные кусками гондолы, быстро развернулись и приближались к останкам своего товарища. Кажется, их совершенно не смутило ни внезапное уничтожение одного из них, ни наше приближение. Видимо, их интересовало только то, что было для них важнее всего, — все металлическое.

Мы добрались первыми и присели вокруг паука на корточки, направив на него свет фонарей. Взрыв не вскрыл его тело, потому что оно не имело оболочки или наружного панциря. Паук просто развалился на куски, как разбитая статуя. Мы стали перебирать обломки, а Мириам и Пул начали торопливо анализировать увиденное и обмениваться комментариями. Куски паука по большей части состояли из водяного льда, но Пул предположил, что это особенный лед, образующийся под высоким давлением. Внутренняя структура обломков оказалась сложной и напоминала пчелиные соты. Это были камеры с четкими гранями, заключавшие в себе сгустки более мелких камер и пустоты, и все это повторялось и повторялось в уменьшающемся масштабе, как фрактал. Пул указал на серебристые и желтоватые нити — оттенки цвета при освещении

на Титане разобрать трудно. Но они были явно металлическими.

— Значит, как минимум паукам необходим металл, — заключила Мириам. — Интересно, какой же у них источник энергии?

Но этого мы выяснить не успели — приблизились другие пауки, а нам вовсе не хотелось, чтобы нас случайно затоптали. Мы отошли и погасили фонари.

— Так что же, они биологические или искусственные? — спросила Мириам. — Что думаете?

Пул пожал плечами.

— Они явно предназначены для единственной цели и содержат металлические компоненты. Это подразумевает искусственное происхождение. Но внутренность тела выглядит органической. Выращенной.

Мне захотелось поставить Пула на место.

— Возможно, эти существа находятся за пределами твоих примитивных категорий. Допустим, они являются результатом миллионов лет эволюции машин. Или долгого симбиоза между животными и технологиями.

Пул покачал головой.

— Я ставлю на биологию. Если дать естественному отбору достаточно времени, необходимость

может заставить его достичь поразительных результатов.

— Но почему их тела включают металл, если он здесь настолько редок? — спросила Мириам.

— Может, их родиной является не Титан, — заметил я. — И первоначально они эволюционировали не здесь.

Но они меня не слушали.

— Главный вопрос сейчас в том, — заявил я уже более настойчиво, — что нам теперь делать?

В воздухе появилась голова Гарри Пула, размером с апельсин, спроецированная каким-то образом коммуникаторами наших костюмов. Из-за малого размера изображения его кожа смотрелась еще более неестественно гладкой.

— Это, — заявил он, — первый разумный вопрос с тех пор, как мы тебя похитили, Джовик. Вы готовы говорить со мной сейчас?

Майкл глянул на отца, потом отвернулся и глотнул воды из трубочки внутри шлема.

— Давай, расскажи, насколько все хреново, Гарри.

— Я не смогу забрать вас минимум семь дней.

Я похолодел сильнее, чем Титан.

— Но костюмы…

— Без подзарядки они перестанут работать

через три дня. Самое большее через четыре.

Я не смог найти слов для ответа.

Гарри обвел нас взглядом, его лишенная тела голова при этом жутковато крутилась вокруг своей оси.

— Есть другие варианты, — сказал он.

— Какие? — отозвался Майкл.

— Вы можете погрузиться в кратерное озеро. Костюмы выдержат. Там холодно, а температура соленой воды намного ниже точки замерзания, но все же в воде будет не так холодно, как на открытом воздухе. Если помните, вода несет остаточное тепло после удара метеорита. Но даже при этом вы оттянете гибель всего на день или два.

— Этого недостаточно, — сказала Мириам. — И мы не сможем работать, плавая в озере в полной темноте.

— Работать? — рассмеялся я. — Да кого теперь волнует работа?

— Что еще, Гарри? — спросил Майкл.

— Я рассмотрел варианты, при которых могут выжить двое, а не трое. Или один. За счет совместного использования костюмов.

Напряжение между нами мгновенно возросло.

— Пауки, разумеется, оставили вам костюм Билла, — продолжил Гарри. — Проблема в том,

что источник питания встроен в ткань каждого из них. Чтобы им воспользоваться, вам придется меняться костюмами. Но я не смог придумать способ, как вы можете сделать это вне гондолы. Вы замерзнете насмерть за несколько секунд.

— Значит, это не вариант.

— И никогда им не был, — произнесла Мириам, твердо взглянув на нас.

Не уверен, испытал ли я облегчение после этих ее слов. Потому что за те несколько секунд, пока они обсуждали эту опцию, я твердо решил, что последним выжившим в последнем комбинезоне буду я.

— Окей, что еще? — спросил Майкл.

— Для подзарядки комбинезонов вам нужен ВЕТ-двигатель из гондолы. Этому альтернативы просто нет.

Я показал на пауков, ползущих на криовулкан.

— Эти твари уже сбросили его в кальдеру.

— Тогда вам придется отправиться за ним, — ухмыльнулся Гарри, сидя в своем уютном кресле на «Крабе». — Неужели откажетесь?

— Но как? — искренне удивился я. — Нам что, строить подлодку?

— Она вам не понадобится. У вас же есть костюмы. Прыгните туда, и все…

— Рехнулся? Ты хочешь, чтобы мы прыгнули в кратер вулкана следом за бандой пожирающих металл чудовищных пауков?

Но Мириам и Майкл, по своему обыкновению, ухватились за новую идею.

— Джовик, — сказала Мириам, — ты все время забываешь, что мы не на Земле. Этот «вулкан» извергает всего лишь воду, его «лава» холоднее крови у нас в жилах. — Она взглянула на Гарри. — Но в этой воде очень много аммиака. Насколько я поняла, костюмы его выдержат?

— Они были разработаны для контакта с веществами мантии. Мы всегда знали, что такой контакт возможен. Давление тоже не должно быть проблемой.

— А что касается пауков — они наверняка оставят нас в покое, если мы будем держаться от них подальше, — добавил Майкл. — Мы это знаем. Мы даже сможем их использовать во время погружения. Последуем за пауками и найдем двигатель. Правильно?

— Не забывайте и про исследования, — напомнил Гарри. Он вывел данные на виртуальный дисплей — бесстрастные цифры светились в воздухе всего в нескольких метрах от трупа Дзика. Гарри сказал, что предварительный анализ полу-

ченных нами данных показывает, что главный источник критически важного для атмосферы метана находится не в воздухе, не на поверхности, а в криовулканах. — Следовательно, его главный источник расположен где-то в аммиачном море. Неважно, какой он — биологический или геологический, — но он там, внизу.

— Хорошо, — согласился Майкл. — Значит, мы не получим полной картины, пока не отправимся в кратер.

— Без связи вы не останетесь. Я смогу отслеживать вас и разговаривать с вами на протяжении всего погружения. Наш канал связи работает на принципе передачи нейтрино, поэтому несколько километров льда или воды для него не препятствие.

Несколько километров? Мне это совсем не понравилось.

— Значит, решено, — сказала Мириам. — У нас есть план.

— Это коллективный бред, — возразил я.

Они меня проигнорировали.

— Предлагаю часик отдохнуть, — сказал Майкл. — Мы можем себе это позволить. Надо как-то перевести дух, мы сегодня многое пережили. И еще надо рассортировать снаряжение, прики-

нуть, что мы сможем использовать.

— Правильно, — согласилась Мириам. — Как насчет сеток со льдом в качестве балласта, например?..

И они с Мириам принялись за работу, разбирая хлам, на который не польстились пауки. Затем они начали плести сетки из оставшегося кабеля. Их хлебом не корми, только дай чем-нибудь заняться вместе.

А неподалеку от них лежал на спине голый Билл Дзик, уставившись в темное небо замерзшими глазами. Полагаю, это недвусмысленно характеризует Майкла и Мириам — то, что они настолько сосредоточились на очередной цели, что не нашли времени позаботиться об останках человека, с которым они работали, судя по всему, в течение многих лет.

Что ж, я презирал Билла, а он презирал меня, но что-то во мне сжималось при мысли оставить его просто лежать здесь как есть. Я осмотрелся в поисках чего-нибудь, что можно использовать вместо лопаты. Отыскал распорку и керамическую панель от какой-то внутренней перегородки гондолы и связал их куском кабеля.

Потом я начал копать. Пластина легко входила в грунт — ледяные песчинки не цеплялись друг

за друга. Будучи уроженцем планеты с большой силой тяжести, я стал на Титане силачом и легко поднимал полные лопаты песка. Но на глубине около полуметра грунт был более плотным — несомненно, это особенность сложной геологии Титана, — и врубаться в него стало труднее. Я не смог выкопать для Билла достаточно глубокую могилу, поэтому удовлетворился тем, что уложил его в эту мелкую канавку и насыпал сверху холмик. Перед этим я попытался закрыть ему глаза, но веки, конечно же, примерзли.

Все время, пока я работал, я старательно злился на Майкла Пула, потому что злость всяко лучше страха.

Глава одиннадцатая
Вулкан

Мы поднялись по склону криовулкана, шагая параллельно тропе ледяных пауков, которые все еще таскали наверх последние кусочки гондолы. Каждый нес импровизированное снаряжение — веревочные сетки, мешки с кусками льда для балласта, упаковки с едой. Мириам даже несла сумку с самыми ценными научными образцами.

Восхождение было нетрудным. Оставив внизу песчаные наносы, мы зашагали по голому льду, а его грубая поверхность хорошо сцеплялась с нашими рифлеными подошвами. Я полагал, что мы будем скользить по ледяному склону, но при таких температурах лед не успевает плавиться под ногами, как на Земле, а именно эта пленочка талой воды и устраняет трение.

Но, несмотря на легкий подъем, вблизи от кальдеры у меня отяжелели ноги. Никаких вариантов, кроме как идти дальше, навстречу еще большей опасности, не было. У меня вообще не было выбора с того момента, как меня похитили.

Наконец мы вышли на край кальдеры — или

кратера, называйте как хотите. Мы смотрели вниз, на огромную чашу диаметром около полукилометра. В ледяных скалах по краям чаши лед пронизывали жилки какой-то коричневатой органики. Большая часть дна кратера была твердой — очевидно, криовулкан в данный момент спал, — но мы увидели во льду широкую темную расщелину, куда и спускались пауки. Несмотря на тяжелый груз, они проворно лезли вниз по стенам расщелины, и Пул показал нам, как они поднимаются по дальней стенке, но уже без груза. Прислушавшись, можно было расслышать какой-то хруст, доносящийся из глубины.

Туда нам и предстояло спуститься.

— Даже не думай об этом, — прошептала мне Мириам. — Просто спускайся.

Но для начала нам требовалось укротить паука.

Мы спустились на несколько шагов и встали возле цепочки пауков-носильщиков. Мириам попробовала набросить лассо на проползающего мимо паука. Попытка оказалась слишком самонадеянной, потому что в плотном воздухе при малой силе тяжести кусок кабеля буквально жил собственной жизнью. Тогда они с Пулом придумали другой способ. Проявив немного ловкости, они

ухитрились набросить петли на конечности паука. Затем Пул несколько раз перебросил кабели под брюхом и через спину твари и завязал концы узлом: в результате получилось что-то вроде сетки. Кажется, паук даже не заметил этой суеты вокруг него и неторопливо шел своей дорогой.

— Сойдет, — решил Пул. — Все на борт!

Прихватив свою ношу и сетки с балластом, он совершил медленный, как в кино, прыжок, ухватился за импровизированную сеть и уселся на спине паука. Мы с Мириам торопливо последовали его примеру.

Так мы и ехали втроем на паучьей спине, обмотав вокруг кисти хвосты кабеля. Первые несколько минут оказались не так уж и плохи, несмотря на дерганые и неравномерные движения паука: они не давали нам забыть, что действиями этого существа не управляет сознательный разум.

Но тут поразительно быстро стал приближаться край кальдеры. Я покрепче вцепился в сеть.

— Поехали! — закричал Майкл и даже заулюлюкал, когда паук перевалил через край расщелины и начал спуск по вертикальной стене. Я не мог понять, за счет чего он держится на скале, — может, с помощью присосок, а может, его хрупкие конечности находили какие-то зацепки. Но моя

тревога не утихала, потому что когда паук наклонился вперед, вся наша троица оказалась вверх тормашками. Мы судорожно цеплялись за сеть, вися вниз головой.

— Лезьте наверх! — крикнул Майкл. — Будет легче, если сможем перебраться ближе к хвосту.

Это был неплохой совет — из тех, что легче дать, чем выполнить. Потому что для перемещения я должен был сперва ослабить хватку. Я перебрался на задницу паука последним, но наконец можно было перевести дух, устроившись там поудобнее.

Все это время темнота в расщелине сгущалась, а жуткий хруст внизу становился все громче. Посмотрев вверх, я увидел вход в расщелину — зазубренную красновато-коричневую дыру, единственный источник дневного света, который едва освещал тело паука. Поддавшись внезапному порыву, я включил фонари, и нас залил яркий свет.

— Все в порядке? — спросил Пул.

— Я как выжатый лимон, — ответила Мириам. — Хорошо хоть, приняла таблетки от клаустрофобии перед тем, как лезть в гондолу. Смотрите. Что это там впереди?

Мы уставились вниз. Это был кусок льда, пере-

крывший всю расщелину. Я на миг понадеялся, что нам уже не придется спускаться глубже, чтобы отыскать ВЕТ-двигатель. Но ни пауков, ни кусков гондолы не было видно, и я со страхом понял, что нас ждет дальше. Хруст слышался все громче и громче, он казался даже ритмичным.

— Держитесь крепче! — крикнул Пул, как будто нам это могло помочь.

Наш паук упал на ледяной пол. Тот оказался тонкой корочкой, которая легко ломалась, — это и был тот самый хруст, когда сквозь нее проламывались один паук за другим. Подо льдом я на миг увидел черную пенистую воду, куда нас вниз головой тут же уволок паук.

В воде оказалось нисколько не холоднее, но я ощущал вокруг себя липкую вязкость, как будто меня бросили в чан с сиропом. Свет фонарей выхватывал загадочные хлопья и нити, наполнявшие жидкость вокруг меня. Обернувшись, я увидел, что ледяная «крышка» уже замерзает, но корочку льда тут же проломил очередной паук, идущий за нашим.

— Макнулись в расплавленную лаву по-титански, — расхохотался Майкл. — Вот это поездка!

— Долго еще? — простонал я. — На какую глубину мы будем опускаться?

— Настолько глубоко, насколько понадобится. Имей терпение. И погаси фонари, Эмри. Прибереги энергию для обогрева.

— Нет, подожди. — Мириам показала на ползущую вверх ледяную стену. — Посмотри туда. И туда!

Я увидел каких-то трубчатых существ длиной около полуметра или чуть меньше. Они цеплялись за стены — или, скорее, куда-то по ним целенаправленно ползли. Мелкие детали разглядеть было трудно, потому что они быстро исчезали из поля зрения.

— Жизнь? — спросил Пул, снова по-мальчишески возбужденный.

— Похоже на то, — согласилась Мириам.

Никого не предупредив, она высвободила руку из сетки, схватила одну из трубок и оторвала ее от стены. Трубка извивалась в ее руке, бледная и безглазая, похожая на жирного червя. Ее передний конец, открытый наподобие рта, был порван.

— Фу! — сказал я. — Выброси ее!

Но Мириам прижала существо к груди.

— Ой, прости! Я тебе сделала больно, да?

— Значит, оно живое, — заключил Пул, присмотревшись к добыче.

— О да! И если оно выживает в этой аммиачной

лаве, готова поспорить, что это дальний родственник всего, что живет в глубине этого моря. Мы опять нашли жизнь, Майкл!

— Слушай, мне кажется, что они объедают лед. Их тут полно на стенках! — Я увидел, что он прав: здесь было множество трубчатых рыб, которые медленно поднимались по льду к отдушине. — Как думаешь, может, они стараются поддерживать дыру открытой?

Пул достал из ранца Мириам полевой анализатор, и, несмотря на то, что мы спускались на спине инопланетного паука в жерло вулкана, они стали анализировать метаболизм трубчатого существа и состав окружающей нас воды, а затем переслали результаты на «Краб». Вскоре перед нами появилась виртуальная голова Гарри с широкой ухмылкой — она не покидала его лицо даже в такой чрезвычайной ситуации.

Я решил, что с меня хватит, и отключил фонари комбинезона. У меня не было ни малейшего желания трястись от страха в темноте, пока мимо проносятся невидимые ледяные стены. Но я поставил на то, что любопытство таки одолеет Пула и Мириам, и оказался прав. Вскоре включился фонарь Пула — он тратил драгоценную энергию, которая удачно подсвечивала и меня,

и эта парочка с головой погрузилась в свою бессмысленную науку.

— Значит, я была права, — прошептала Мириам через какое-то время. — В этой расщелине и мантийном океане обитает еще одна, уже третья на Титане, разновидность жизни, кроме силанов и органических губок. Аммоновая жизнь…

Считается, что жидкая мантия Титана является последствием его образования в той части прототуманности, где было много аммиака. Титан родился с каменистым ядром и глубоким открытым океаном, воды которого содержали аммиак. Этот океан мог существовать миллиард лет, согреваемый парниковым эффектом под плотной первичной атмосферой. Миллиард лет — вполне достаточное время для возникновения жизни. Со временем поверхность океана замерзла, покрывшись ледяной коркой, а на дне, под высоким давлением, образовались комплексные формы льда, сформировавшего сплошной твердый слой вокруг силикатного ядра. Лед был наверху и внизу, но между ними все еще оставался жидкий океан из воды, насыщенной аммиаком, при этом очень щелочной и очень вязкой. В этом глубоком океане к своеобразной среде обитания приспособились уникальные формы жизни, основанной

на химических связях между углеродом и группами азот-водород (а не углерод-кислород) и на аммиаке как растворителе вместо воды. Аммоновая жизнь, как ее называют специалисты.

— Да, третье биологическое царство, — подтвердила Мириам. — Насколько мне известно, в Солнечной системе такая форма нигде больше не встречается. И здесь, на Титане, сосуществуют три совершенно разных царства: местная аммоновая жизнь в мантийном океане, органическая жизнь в кратерных озерах, занесенная из внутренней системы, и силановые лилии родом с Тритона и с других внешних холодных планет. Невероятно.

— Более того, — произнес жестяной голос Гарри. — Майкл, эта ваша трубчатая рыба не метаноген. Она не производит метан, но она наполнена метаном. У нее есть метан даже в плавательном пузыре.

Мириам посмотрела на трубчатых рыб, слепо грызущих ледяные стены.

— Правильно. Они его каким-то образом собирают, из какого-то источника в глубине океана. Затем с его помощью всплывают сюда. Они даже поедают стенки дыры криовулкана, чтобы сохранять его открытым. У них очень важная роль в процессе доставки метана из глубоководного

источника в атмосферу. Поэтому у нас здесь три варианта жизни, которые не только живут на этом спутнике, но и сотрудничают, поддерживая здешнюю экологию.

— Впечатляющая картина, — согласился Гарри. — И до тех пор, пока все они еще достаточно неразвиты, мы можем выжать сколько-то денег из этой проклятой системы.

Мириам отпустила трубчатую рыбу, как выпускала бы птицу. Извиваясь, та скрылась в темноте.

— Ты всегда был реалистом, Гарри.

Мне показалось, что в отблесках фонарей Майкла я вижу впереди что-то темное.

— Гарри, какой толщины будет эта ледяная корка, когда мы доберемся до мантийного океана?

— Около тридцати пяти километров.

— А на какой глубине мы сейчас? Можешь сказать?

— О, как раз около тридцати пяти километров.

— Лета! — выдохнул Майкл. — Держитесь крепче!

Это произошло почти сразу после его слов: мы достигли основания прохода, по которому спускались от верхушки жерла криовулкана. Дыры сквозь ледяную кору Титана. Я вцепился в сетку

и закрыл глаза.

Когда мы выбрались из жерла, пройдя сквозь ледяную кору в мантию под ней, я ощутил, как стены отдаляются, увеличивается давление, а впереди раскрывается бездна.

И мы провалились во мрак и холод.

Глава двенадцатая
Океан

Теперь, когда паук уже не полз по стене и его лапы освободились, я почувствовал, что он плывет (или, может быть, каким-то образом выбрасывает из себя струи воды), все глубже погружаясь в это мрачное море и увлекая за собой нашу троицу. Посмотрев вверх, я увидел нижнюю сторону твердой коры Титана, ледяную крышу, которая накрыла целую планету. Она поблескивала в свете фонарей Пула, но уже удалялась от нас. И еще мне показалось, что я увидел дыру, через которую мы сюда спустились, — воронку с сильно поврежденными эрозией стенами, вокруг которой вяло плавали трубчатые рыбы. Вдали от стен легче было разглядеть, как они передвигались: не имея плавников или хвостов, они словно ползли сквозь воду. Из-за вязкости среды такой способ, возможно, был самым удобным. И вообще они вели себя больше как бактерии, чем как рыбы.

Вскоре мы погрузились настолько глубоко, что ледяная крыша исчезла из поля зрения, и мы вместе с пауком, тащившим нас вниз, остались

единственной точкой света, падающей во мрак. И тут Пул выключил фонари!

— Лета! Пул, пощади нас! — взмолился я.

— Ой, не хнычь, — отозвалась Мириам и включила свои фонари. — Только ненадолго. Дадим ему привыкнуть.

— К чему привыкнуть? — осведомился я. — К падению в бесконечный мрак?

— Не бесконечный, — ответил Пул. — Глубина океана не более… сколько там, Гарри?

— Километров двести пятьдесят, — сообщил Гарри, милосердно не показываясь. — Плюс-минус.

— Двести пятьдесят… И как глубоко ты намерен погрузиться, Пул?

— Я же сказал, — мрачно заявил Майкл. — Настолько глубоко, насколько понадобится. Нам надо вернуть ВЕТ-двигатель, Эмри. Иного выбора у нас нет — все очень просто.

— А у меня возникло предчувствие, — уныло вставила Мириам, — что наш паук, выбравшись из жерла, теперь направляется на самое дно. Это логично.

— Да нас там расплющит, — угрюмо предрек я.

— Нет, — прогудел Гарри. — Не расплющит. Слушай, Джовик, просто вспомни, что Титан

невелик. И давление на дне всего раза в четыре больше, чем в самых глубоких океанах Земли. От силы в пять. А твой костюм такое давление спокойно выдержит. Если тебя что и убьет, то не давление.

— И долго нам еще до дна?

— Вы погружаетесь быстрее, чем ты думаешь, — если учесть вязкость среды. Ваш паук — сильный пловец. Пожалуй, день.

— День!

— Зато по дороге мы, возможно, увидим что-нибудь интересное, — утешила Мириам.

— Да что тут может быть интересного?

— Ну, трубчатые рыбы не могут жить в изоляции. На больших глубинах должна быть целая популяция всяких разных существ.

Мое воображение мгновенно сорвалось с цепи.

— Аммоновые акулы. Аммоновые киты.

— В этом холодном супе они будут неповоротливы, как улитки, — рассмеялась Мириам. — И кроме того, ты для них несъедобен, Джовик.

— Они могут сперва попробовать меня, а уж потом только выплюнуть. — Я попытался избавиться от паники за счет мыслей о будущем. — Но даже если мы выживем — даже если найдем на дне этот чертов ВЕТ-двигатель, — то как мы

сможем вернуться?

— Нам нужно будет сбросить балласт, и мы всплывем, — небрежно ответил Майкл. — И помни, что нам не надо тащить ВЕТ-двигатель наверх. Он понадобится только для подзарядки комбинезонов.

— Есть и еще вариант, получше, — подняться на другом пауке, — предложила Мириам.

— Правильно, — согласился Майкл. — Заодно это решит и другую проблему — как найти в криовулкане дыру, ведущую на поверхность. Пауки-то, очевидно, знают дорогу.

— Даже если пауки вас подведут, я смогу указать путь, — добавил Гарри. — Я вижу и вас, и выходы отдушин, и даже ВЕТ-двигатель. Эта нейтринная технология стоит потраченных на нее денег. Так что, в принципе, у вас никаких проблем.

Иногда мне казалось, что ситуация меня пугает куда меньше, чем моих спутников — именно из-за того, что они такие безбашенные.

Мириам что-то достала из поясной сумочки. Я не разглядел, что это, и посмотрел на Майкла.

— Джовик не переживет целый день погружения в темноте.

Майкл посмотрел на меня, затем на нее.

— Давай.

— Что вы задумали?.. — Не успел я дернуться, как она протянула руку и с профессиональной ловкостью прижала флакон к клапану на груди моего костюма. Я ощутил внезапный холод, когда препарат попал мне в кровь, и провалился в сон без сновидений, лежа в уютном тепле моего костюма.

Вот так и получилось, что я пропустил все события нескольких следующих часов: и спокойное время, когда Пул и Мириам тоже попытались немного поспать, и возбужденную суматоху, когда странные обитатели аммиачных глубин Титана стали приближаться к ним из темноты.

И еще я пропустил очередное великое потрясение, пережитое нашей странной маленькой компанией, когда она наконец-то увидела ледяное дно подземного океана Титана на расстоянии трехсот километров от поверхности. Странный ландшафт этой бездны — складчатый спрессованный лед, усеянный кусочками метеоритов, — пронизывали отдушины и трещины. Они напоминали зеркальное отражение ледяной коры высоко над нами. Но паук, на котором мы ехали, не остановился. Он юркнул в одну из этих отдушин, и его конечности снова застучали по гладким ледяным стенам.

Гарри предупредил Мириам и Пула, что эта последняя отдушина, судя по всему, пронзает весь внутренний слой льда, покрывающий ядро. Титана, — так называемый «лед-VI», насыщенный дигидратом аммония, — и толщина этого слоя еще минимум пятьсот километров. А в конце этой дыры находится только силикатное каменное ядро Титана, и туда, несомненно, паук и направлялся.

Ничего не оставалось, кроме как ждать и терпеть. Спуск займет, наверное, еще целый день, поэтому Пул и Мириам позволили пауку просто тащить нас вниз. Другие трубчатые рыбы экзотичной разновидности, видимо, привыкшие к высокому давлению, бесконечно паслись на ледяных стенах. Мириам вкатила мне еще одну дозу снотворного и кормила меня внутривенно, пока я спал. Гарри беспокоило истощение наших батарей и постепенное возрастание давления: под столбом воды и льда толщиной в сотни километров мы приближались к пределу прочности костюмов. Но у них не было иного выбора — только вперед, а я, утратив связь с реальностью, одновременно лишился и права голоса.

Когда паук наконец остановился и наша поездка завершилась, Мириам меня разбудила.

Я лежал на спине на бугристом полу. Сила тяжести ощущалась здесь даже слабее, чем на поверхности. Надо мной склонилось лицо Мириам, подсвеченное фонарем.

— Посмотри, что мы нашли, — сказала она.

Я сел. В теле ощущалась слабость, а от голода немного кружилась голова. Рядом сидели Мириам и Пул, наблюдая за моей реакцией. Тут я вспомнил, где нахожусь; и к слабости добавился страх.

Я быстро осмотрелся. Даже при свете фонарей обзор был сильно ограничен. Мутность воды и какие-то плавающие частички подсказали мне, что мы все еще находимся в глубине океана. Над головой я увидел ледяную крышу — недалеко, метрах в ста или около того. Под ногами было нечто похожее на каменную породу с темными и пурпурными прожилками. Значит, мы в какой-то ледяной пещере, а ее стены теряются в темноте, за пределами света фонарей. Позднее я узнал, что мы оказатись в пещере, выкопанной под нижней ледяной мантией Титана, между нею и каменным ядром, — в восьмистах километрах под ледяными равнинами, где несколько дней назад разбилась наша гондола. Вокруг я увидел ледяных пауков, деловито бредущих по своим загадочным делам,

и куски оборудования из нашей гондолы — нарезанные, принесенные сюда и сложенные. И среди них я увидел ВЕТ-двигатель! Мое сердце радостно забилось: быть может, я все-таки выживу.

Но Мириам хотела мне показать вовсе не двигатель.

— Посмотри, что мы нашли, — повторила она.

Я посмотрел. В полу, в каменном ядре Титана, я увидел люк.

Глава тринадцатая
Люк

Мне дали поесть, напиться и освободить мочевой пузырь. Ходить здесь было трудно, холодная вода была плотной и сиропообразной, каждое движение сопровождалось жужжанием сервомоторов: костюм трудился, помогая мне.

Я с облегчением узнал, что BET-двигатель все еще работает, а батареи моего костюма уже подзарядили. В принципе, я даже мог остаться в живых достаточно долго, чтобы вернуться на «Краб». Для этого мне всего-навсего требовалось отыскать путь наверх от ядра этой планеты и преодолеть восемьсот километров льда и океана… Я дал себе немного потешиться мечтами и отложил пока страхи ради того, что ждало нас дальше.

После моего пробуждения Майкл, Мириам и виртуальный Гарри пересказали мне то, что они выяснили насчет образования метана на Титане. Под ледяной крышей, погруженные в холодный давящий океан, они говорили о кометах и химии, в то время как огромная загадка, что это за люк в ядре, так и оставалась неразгаданной.

— На Земле девяносто пять процентов метана в воздухе имеет биологическое происхождение, — сказал Гарри. — Он образуется в кишечниках животных, при разложении растений. Так может ли его источник быть биологическим и здесь? Вы, ребята, обследовали эту среду достаточно долго, чтобы такое предположение отмести. В принципе, здесь могут быть метаногенные организмы, которые живут, например, в этих этановых озерах и питаются за счет реакций между ацетиленом и водородом, но вы таковых не обнаружили. Как насчет метана с падающих сюда комет? Такое возможно, но тогда вы обнаружили бы следы других кометных газов, а их в воздухе нет. Остается одна мало-мальски правдоподобная вероятность…

Когда Титан был молод, его аммиачно-водный океан простирался до самого каменного ядра. Там химические процессы могли производить большое количество метана: щелочная вода, реагируя с каменной породой, выделяла водород. Тот, в свою очередь, реагировал с источниками углерода — монооксидом, диоксидом или его частицами, образуя метан. Но этот процесс прекратился, как только каменное ядро покрылось слоями льда, изолирующими его от жидкой воды.

После этого требовались условия, чтобы в основании ледяного слоя оставались какие-то открытые полости, где жидкая вода и камень все еще могли реагировать на границе соприкосновения. И еще нужен был способ доставки образующегося метана в океан, а потом и на поверхность.

— Метан мог храниться в ледяных слоях в форме клатратов, — продолжал Гарри. — Со временем он пробился бы на поверхность. Но проще было проделать отдушины во льду и подтолкнуть хемоавтотрофную экосистему питаться метаном и доставлять его на верхние уровни.

— Трубчатые рыбы, — сказал я.

— Да, и их сородичи.

Взглянув на потолок, я увидел, что он обработан и поцарапан, словно кто-то трудился над ним с помощью клешней.

— Значит, пауки сохраняют эти полости, чтобы метан мог продолжать образовываться.

— Именно так, — подтвердил Майкл с удивлением в голосе. — Они делают это, чтобы сохранять источник метана, который в конечном итоге попадает в атмосферу. И делали это миллиарды лет. Должны были делать, чтобы местные экосистемы развились до нынешнего вида — трубчатые рыбы, органические губки и силаны. Весь этот

мир — машина, хотя и очень старая машина. Это машина по производству метана, по превращению того, что иначе стало бы очередной ничем не примечательной ледяной луной, в некое убежище, назначение которого — забота о населяющих его формах жизни.

— Но зачем им это делать?

Ни у кого из них ответа не нашлось.

— Ха! — засмеялся я. — Ну, вопрос «зачем» вообще-то к делу не относится. Пауки явно разумны — или же разумны их создатели. Вы нашли именно то, чего боялись. Разве не так, Майкл Пул? Разумную жизнь внутри Титана. Теперь никто не позволит вам начать его эксплуатацию. Так что конец вашим коммерческим амбициям!

— От которых и ты получил бы долю, — напомнил Гарри, оскалившись.

Я фыркнул.

— О, я все равно спустил бы деньги на наркотики и секс. А увидеть, как вас, строителей миров, шарахнуло пыльным мешком, стоит потери каких-то там денег. Так что там, под люком?

Они переглянулись.

— Надеемся, там окончательный ответ, — ответил Майкл.

— Мы не стали туда заглядывать, пока не приве-

дем тебя в порядок, Джовик, — сказала Мириам.

— Мы понятия не имеем, что там, за люком, — добавил Пул. — Поэтому нужно, чтобы все бодрствовали и были готовы действовать в случае чего. Нам даже может понадобиться твоя помощь, Эмри. — Он взглянул на меня с легким отвращением, но добавил с большей практичностью: — Чтобы его открыть, могут понадобиться трое. Пошли, посмотрим поближе.

И мы поплыли через вязкий мрак.

Люк оказался диском из какого-то серебристого металла диаметром около трех метров, установленным вровень с более или менее плоским каменным полом. По его окружности располагались три одинаковых углубления сантиметров десять глубиной. В центре каждого углубления находился механизм, состоящий из двух рычагов, соединенных наверху шарниром.

— Мы думаем, что он управляется так, — сказал Майкл. Он встал на колени, взялся за рычаги и изобразил, как сводит их. — Мы не знаем, какое усилие надо приложить, чтобы механизм сработал. Надеюсь, каждый из нас справится с одним набором рычагов, а моторы комбинезонов нам помогут.

— Три механизма, — сказал я. — Тогда получа-

ется, что эта дверь предназначена для пауков. По рукоятке для каждой из трех его клешней.

— Мы тоже так думаем, — согласилась Мириам. — Рукоятки как раз подходящего размера. Мы полагаем, что рукоятки надо свести одновременно — одному пауку или трем людям.

— Не могу поверить, что за миллиард лет они придумали всего лишь громоздкую механическую дверь.

— Какой бы продвинутой ни была технология, я не могу представить здесь устройство без ручного страховочного управления. Мы видели, что и сами пауки не идеальны, они могут разбиться или сломаться.

— Но разбивали-то их мы. — Я с неприязнью взглянул на люк. — А надо ли нам его открывать? Мы уже нашли что хотели — или не хотели. Зачем подвергать нас новому риску? Разве мы не можем просто отправиться домой?

Мириам и Майкл уставились на меня с изумлением.

— И ты сможешь уйти отсюда, не узнав, что там? — вопросила Мириам.

— Мы отсюда не уйдем, пока не разберемся, Эмри, так что придется тебе с этим смириться, — заявил Майкл.

Он взялся за свою рукоятку, а Мириам — за свою. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать их примеру. Пул начал отсчет.

— Три, два, один…

Я сомкнул пальцы на рычагах и начал их сводить. Рукам в углублении было неудобно, а механизм был тугим. Мышцы напряглись, и я почувствовал, как меня приподнимает над полом. Но рычаги сомкнулись.

Люк завибрировал.

Я выпустил рычаги и быстро попятился. Остальные поступили так же. Мы стояли вокруг, омываемые течением аммиачного моря, и смотрели, как люк выползает из поверхности дна.

Это было нечто вроде поршня, он поднялся сперва на метр, потом на два. Бока у него были идеально гладкими, блестящими, без единой царапинки. Я задумался, сколько же ему лет. Майкл, этот идиот, тут же проявил свое обезьянье любопытство и потянулся к поршню, но Мириам его удержала.

— Я всего лишь хотел проверить устойчивость этой штуковины, — пробормотал он.

Затем этот огромный блок, три метра в диаметре и два в высоту, скользнул в сторону. Пулу пришлось даже отступить на шаг. Послышался

негромкий скрежет металла по камню. В полу открылась круглая дыра, и мне сперва показалось, что она идеально черная. Но потом я заметил какое-то мимолетное золотистое поблескивание и переливы света внутри, какие бывают на пленке мыльных пузырей. Я переставая его видеть, если слегка поворачивая голову.

— Ого! — прокомментироват Гарри Пул. — А из этой дыры исходит какая-то экзотическая радиация. Отойдите-ка от нее. У костюмов мощная экранировка, но пара лишних метров воды не помешают.

Мне такое повторять не надо было. Мы отошли к ВЕТ-двигателю, прихватив с собой фонари. Дыра в земле, все еще слегка различимая в отблесках света, походила на этановое озерцо, возле которого лежал металлический монолит люка. Но я и теперь время от времени замечал это эфемерное золотисто-коричневое свечение.

— Похоже на грань интерфейса червоточины, Пул, — заметил я.

— Неплохое наблюдение, — подтвердил Пул. — Мне тоже кажется, что мы видим именно ее. Гарри?

— Да. — Гарри помолчал. — Жаль, что у вас в костюмах нет более чувствительных датчиков.

Я полагаюсь на приборы, встроенные в ваши костюмы, приборы внутренней диагностики в ВЕТ-двигателе, кое-какие нейтринные потоки…

Да, думаю, мы видим последствия напряжения пространства-времени. Есть и кое-какие интересные оптические эффекты — искаженное поле гравитации работает как линза.

— Значит, это интерфейс червоточины? — спросила Мириам.

— Если это так, то он намного совершеннее тех неуклюжих монстров, что мы соорудили на орбите Юпитера. А что там находится по другую сторону барьера… Наверняка не Титан.

— Осторожнее, — предупредила Мириам.

Мимо нас к дыре проковылял паук. Он постоял на краю, словно озадаченный тем, что дыра открыта. Потом наклонился — совсем как тогда, когда в кратер нырял наш паук, на котором мы прокатились через вулкан, — и скользнул головой вперед в черный диск. Впечатление было такое, словно он упал в лужу масла, которое сомкнулось над ним, — даже не колыхнувшись.

— Я бы не рекомендовал вам следовать за ним, — сказал Гарри. — Там смертельно опасная радиация. Даже в костюмах вам такой переход не пережить.

— Лета… — пробормотал Майкл. Он был разочарован!

— Значит, нас здесь больше ничего не держит? — уточнил я.

— Я тебе кое-что скажу, Эмри, — огрызнулся Майкл. — Я рад, что ты здесь. Всякий раз, когда мы встречаем препятствие, а ты хочешь сдаться, это лишь подстегивает меня искать путь вперед.

— Здесь нет пути вперед, — возразил я. — Там смертельно опасно. Так сказал Гарри.

— Мы не можем идти дальше, — согласилась Мириам. — Но как насчет зонда? Чего-нибудь с хорошей защитой от радиации и под управлением искусственного интеллекта? Если повезет, мы сможем просто сбросить его туда и подождать отчета.

— Это должно сработать, — согласился Пул.

И они не колеблясь подошли к ВЕТ-двигателю и принялись его потрошить.

Для надежности двигатель имел два блока управления. Один из них Мириам и Пул демонтировали. Это были белые ящики размером с небольшой чемодан, в каждом имелся комплект датчиков, процессор и память. А еще в этих двух блоках хранились резервные копии личностей, снятые с нас перед тем, как мы вошли в атмо-

сферу Титана. Маленькая коробочка могла даже проецировать виртуальные изображения. Как раз сейчас четкое изображение Гарри проецировалось именно с него, а не с оборудования в наших костюмах, как раньше.

Ящичек был достаточно мал, чтобы пройти через интерфейс, и к тому же защищен от радиации. Он должен был выдержать переход через червоточину, хотя никто из нас не мог сказать, выдержит ли он то, что встретит его на другой стороне. А еще он мог работать как приемник и как передатчик. Гарри считал, что сигналы все-таки пройдут через интерфейс, хотя и могут быть повреждены гравитационным искажением и другими воздействиями. Но он не сомневался, что сможет подобрать алгоритмы декодирования на основе нескольких тестовых сигналов. Словом, этот блок был идеально оснащен, чтобы поработать зондом для спуска в люк, — и не хватало ему всего одной мелочи. Интеллекта.

Майкл погладил ящичек затянутой в перчатку рукой.

— Мы отправляем его в полную неизвестность. Ему придется работать автономно, оценить окружающую среду, обработать показания датчиков, и лишь потом он сможет понять, как с нами

общаться и как запрашивать указания. Управление ВЕТ-двигателем — работа очень простая и предсказуемая, так что искин в этом ящичке не в состоянии осуществлять подобные исследования.

— Зато в нем хранятся копии разума четырех человек — меня, покойного Билла и еще вас, двух гениев. Как жаль, что ими нельзя воспользоваться.

Но мой сарказм не вызвал ожидаемой реакции. Пул и Мириам возбужденно переглянулись. Мириам покачала головой.

— Джовик, ты прямо гениальный идиот. К тебе постоянно приходят замечательные идеи. Я думаю, что на самом деле ты гораздо умнее, чем позволяешь себе быть.

— Понятия не имею, о чем ты, — честно ответил я.

— Ты им предложил, — негромко пояснил Гарри, — оживить в этом блоке одну из копий ваших личностей и использовать ее в роли управляющего искина.

Пул и Мириам вели себя, как двое нетерпеливых детишек, — как обычно, когда они натыкались на новую идею.

— Если копия проснется и окажется с момента

входа в атмосферу Титана прямо в этой нашей временной точке, она испытает шок, — сказал Майкл. — Полагаю, будет менее опасно, если мы спроецируем полную человеческую личность.

— Еще бы, — заметила голова Гарри.

— И еще надо какое-нибудь окружение, — вставила Мириам. — Например, костюм? Нет, плавание в космосе вызывает головокружение. У меня не раз были с этим проблемы.

— Жилой купол «Краба», — предложил Майкл. — Там будет достаточно привычно, чтобы стимулировать адекватную реакцию. Заодно получится хорошая платформа для наблюдений. Энергии хватит, чтобы поддерживать картинку как минимум несколько часов…

— Точно, — улыбнулась Мириам. — Наблюдатель будет чувствовать себя в безопасности. Я над этим поработаю.

— Значит, вы планируете спроецировать виртуальную копию одного из нас через червоточину, — сказал я. — А как вы собираетесь эту копию вернуть?

Они уставились на меня.

— Это невозможно, — ответил Майкл. — Блок будет утрачен. Зато можно переслать сюда копию воспоминаний, которые виртуал накопит на той

стороне, а потом каким-то образом интегрировать их в ту резервную копию, что хранится в BET-двигателе…

— Нет, — с сожалением сказал Гарри, — скорость передачи данных через интерфейс не позволяет даже этого. Для копии в зонде это будет путешествие в один конец.

— Тогда это полностью нарушает законы о защите разума, — вставил я, но меня опять проигнорировали.

— Итак, решено, — подытожил Майкл. — Остался вопрос: кто? Кого из четырех ты пробудишь от киберсна и отправишь в неизвестность?

Я заметил, что бестелесная голова Гарри отвела взгляд, как бы уклоняясь от вопроса.

Пул и Мириам переглянулись.

— Отправиться может любой из нас. Правильно? — уточнила Мириам.

— Конечно.

— Тогда мы должны отправить Билла, — твердо заявила Мириам.

— Да. Иного выбора нет. Билл умер, а мы не сможем вернуть домой его сохраненную резервную копию… Поэтому эту привилегию мы должны предоставить Биллу. Это придаст смысл его жертве.

— Вот как вы обращаетесь с друзьями? — возмутился я. — Сперва убиваете его, а потом оживляете копию и посылаете снова на верную смерть?

Майкл сверкнул глазами.

— Билл отнесся бы к такому решению иначе, уж поверь. У тебя и у такого человека, как Билл Дзик, нет ничего общего, Эмри. Не суди его по себе.

— Прекрасно. Главное, не посылайте меня.

— Даже не подумаю. Ты этого не заслужил.

На подготовку эксперимента им понадобилось лишь несколько дополнительных минут. Никаких физических модификаций блоку управления не требовалось, Мириам быстро запрограммировала нужные инструкции и ввела их в слабенький компьютер блока. К ним она добавила еще небольшое сообщение с объяснением всей ситуации, надеясь, что с его помощью виртуальный Билл не окажется в шоке при внезапном пробуждении, которое его ждет.

Майкл поднял блок, и мы подошли к интерфейсу — точнее, приблизились ровно настолько, насколько велел Гарри. Затем Пул поднял блок над головой.

— Удачи, Билл.

И он бросил блок в сторону интерфейса — или,

скорее, толкнул: при небольшом весе инерция у ящичка была такой же, как и на Земле. Кроме того, блоку предстояло одолеть сопротивление вязкой воды. Несколько секунд казалось, что он не долетит до цели.

— Надо было разок-другой потренироваться, — с сожалением заметил Майкл. — Никогда не видел практического смысла в спорте.

Но все же бросок оказался точен. Блок чиркнул по краю отверстия, кувыркнулся вперед и медленно, как во сне, прошел сквозь черную поверхность. Пока он тонул, вокруг него замерцало осеннее золото.

Затем нам пришлось ждать — нашей троице и Гарри. Я уже начал сожалеть, что мы не договорились о каком-то лимите времени перед выходом на связь: одержимые вроде Майкла и Мириам могли стоять там часами, прежде чем признали бы неудачу.

Но в реальности прошло всего несколько минут, и в наших шлемах прозвучал хрипловатый голос:

— Гарри! Ты меня слышишь?

— Да! — откликнулся ухмыляющийся Гарри. — Да, я тебя слышу. Качество приема должно улучшиться, питому что алгоритмы очистки

сигнала пока работают. У тебя все в порядке?

— Ну, я сижу в жилом куполе «Краба». Должен признать, у меня был шок — оказаться здесь снова после того, как ты дал мне пинка перед посадкой на Титане. Твои пояснения очень пригодились, Мириам.

— Что ты видишь? — спросил Майкл.

— Звездное небо… И оно какое-то странное.

На лице Мириам появилась озадаченность. Она повернулась и уставилась на Гарри.

— И странное не только небо. Это не Билл!

— Действительно, не Билл, — раздался голос с другой стороны дыры. — Я Майкл Пул.

Глава четырнадцатая
Виртуал

И вот, пока внезапно оживший Майкл Пул болтался где-то в другом пространстве, его оригинал и его не-любовница Мириам Берг яростно ругались с Гарри.

Майкл подбежал к оставшемуся блоку управления BET-двигателем и проверил содержимое его памяти. Резервных копий нашей четверки там не оказалось. Там была лишь одна копия — самого Майкла Пула, причем сверхвысокого качества. Я так и не смог решить, что напугало меня больше: мысль о том, что в этой поблескивающей белой коробке нет моей копии, или то, что я прежде верил, что она там есть. Я вообще склонен к экзистенциальным сомнениям, и такие размышления мне неприятны.

Но разгневанного Майкла подобные тонкости не волновали:

— Мириам, клянусь, я ничего об этом не знал!

— О, я тебе верю.

Они уставились на старшего Пула.

— Гарри! — рявкнул Майкл. — Что это еще за

фокусы?

Взгляд у бестелесной головы Гарри был плутоватый, но он явно решил, что наглость поможет разрулить ситуацию.

— По моему мнению, извиняться тут не за что. Объем имеющейся на «Крабе» памяти всегда ограничен, а в гондоле он был еще меньше. Майкл мой сын. Разумеется, я стал бы оберегать его больше, чем остальных. А что бы вы сделали на моем месте? Мне очень жаль, Мириам, но…

— Ни черта тебе не жаль, — процедила Мириам. — Ты — хладнокровная сволочь. Ты сознательно послал на смерть в червоточину копию своего сына, которого, как ты говорил, должен оберегать!

— Это всего лишь копия, — смутился Гарри. — Есть и другие, более ранние копии…

— Да пошел ты в Лету, папуля! — прервал его Майкл и отошел, стиснув кулаки. А я стал гадать, сколько подобных стычек с отцом ему пришлось перенести за свою жизнь.

— Что сделано, то сделано, — послышался шепот. Они сразу прекратили ругань, потому что заговорил Майкл Пул — недавно разбуженная копия Пула, находящаяся за пространственно-временным барьером. — Я знаю, что у меня мало

времени. Попробую переслать вам изображения…

Гарри — возможно, с благодарностью — исчез, освободив тем самым доступные вычислительные мощности, хотя я не сомневался, что его оригинал наблюдает за нами с «Краба».

— Говори с ним ты, — прошептал Майкл Мириам. — Может быть, так ему будет легче, чем разговаривать со мной.

Идея ей явно не понравилась, но все же она согласилась.

— Хорошо.

Постепенно в воде перед нами стали возникать изображения — с ограниченным углом зрения, зернистые и нечеткие.

И мы увидели странное небо виртуального Майкла.

Виртуальный «Краб» висел над небольшим объектом, похожим на ледяную луну, — такие же спутники, братья Титана, вращаются вокруг Сатурна. Бледную планетку испещряли старые ударные кратеры, и еще я увидел, что ее поверхность усеяна идеально круглыми черными отверстиями. Они выглядели в точности как наш люк, и наш зонд наверняка вылетел из такой дыры. Существа, похожие на здешних пауков,

сновали вокруг дыр, переползая между кучами каких-то припасов. Из-за большого расстояния разглядеть их четко не получалось. Всю картину заливал бледно-желтый свет, рассеянный и лишенный теней.

— Как думаешь, остальные интерфейсы охватывают весь Титан? — спросил Пул-оригинал.

— Думаю, да, — ответила Мириам. — Наша глубоководная пещера, где генерируется метан, не может быть единственной. А для пауков прохождение через червоточины и обратно может быть способом унификации их действий по всей планете.

— Значит, найденный нами интерфейс на внешней выпуклой поверхности ядра Титана — это лишь один из многих ему подобных, которым соответствуют другие червоточины на внешней выпуклой поверхности этой ледяной луны. Причем когда проходишь через интерфейс, кривизна меняется на противоположную.

Эта мысль меня поразила: достаточно трудный для восприятия парадокс, но Пул ведь был инженером по червоточинам и привык к тонкостям понимания пространства-времени. Инженеры манипулируют им и скручивают его через измерения более высокого порядка. Умозрительное

наложение двух выпуклых поверхностей было для него, очевидно, детской игрой.

— Но где ты находишься? — спросила Мириам виртуального Пула. — Это ледяная луна, очень распространенный объект. Он может находиться во вселенной где угодно. Даже в каком-нибудь уголке нашей Солнечной.

— Не торопись с выводами, Мириам, — ответил виртуальный Пул. Голос его был хрипловатым из-за искажений в канале связи. — Смотри.

Точка зрения переместилась, и мы увидели небо виртуального Майкла.

Над головой висело огромное искаженное солнце. На его фоне виднелись брызги планетоидов, видимые в фазах от серпов до полумесяцев. Некоторые были совсем черными — в фазе затмения, на фоне чудовищного по размерам светила. За его лимбом висели другие звезды, но они также были разбухшими, бледными монстрами — мы видели их искаженные диски. А пространство между звездами выглядело не полностью черным, но с бледным оттенком темнокрасного, и оно было пронизано своеобразной сетью из нитей и узлов. Эта картина напомнила мне то, что я видел, когда закрывал глаза.

— Какое небо, — прошептал Майкл.

— Майкл, ты явно далеко от дома, — сказала Мириам.

— Да, — ответил виртуальный Майкл. — Эти звезды не укладываются в нашу главную последовательность. И у них простые спектры, почти без тяжелых элементов. Думаю, они больше напоминают протозвезды нашей молодой вселенной — первое поколение звезд, сформировавшееся только из водорода и гелия, сразу после Большого Взрыва.

— И никаких металлов, — заметила Мириам.

— Я перешлю данные, которые сейчас собираю…

— Уже принимаю, сынок, — произнес голос Гарри.

Мои спутники предоставили говорить виртуальному Пулу. Слова и тщательные наблюдения человека, находящегося так далеко от дома (а если и не человека, то его копии, испытывающей вполне человеческие чувства), поражали своим мужеством.

— Это не наша вселенная, — прошептал он. — Думаю, это ясно. Эта вселенная молодая и маленькая — судя по кривизне пространства-времени, ее диаметр всего несколько миллионов световых лет. Вероятно, ее размера не хватило бы, чтобы

включить нашу локальную группу галактик.

— Может, это карманная вселенная? — предположила Мириам. — Аппендикс нашей.

— Я не могу поверить, что существа, которых ты называешь пауками, возникли здесь, — возразил виртуальный Пул. — Ты сама это сказала, Мириам. Здесь нет металлов, их нет во всем этом космосе. Вот почему они извлекают металлы из наших зондов и метеоритов.

— Значит, они прибыли из другого места, — решил Пул. — Судя по собранным с пауков образцам, в их элементном составе нет ничего странного. Получается, их сделали где-то в нашей вселенной. А эта карманная вселенная — всего лишь транзитный переход. Наподобие космопорта возле Земли.

— Да, — согласился виртуал. — Не исключено, что на других лунах в моем небе находятся врата на другие Титаны — где поддерживаются другие экосистемы. Возможно, на других биологических основах. Другие эксперименты.

— Но если металлы настолько важны для пауков, то почему бы не поставлять их сюда через транзитный узел? — спросила Мириам.

— Быть может, когда-то так и делалось, — ответил виртуал. — Может, там, внизу, что-то

сломалось. Здесь есть ощущение возраста, Мириам. Здешний космос, возможно, и молод, но само это место очень старое…

— Разумно, — пробормотал реальный Пул. — Ось времени в этой маленькой вселенной не обязательно должна быть изоморфна нашей. Миллион лет там, миллиард лет здесь.

— Пауки на Титане трудятся над своей задачей уже очень давно, — прошептал виртуальный. — Кто бы их ни изготовил или ни вывел, он забросил их давным-давно, и с тех пор они здесь одни. И продолжают работать как могут.

Когда я на них смотрю, у меня возникает впечатление, что они не очень умны. Они просто выполняют свою функцию.

— Но они хорошо справляются, — заметила Мириам.

— Да, хорошо.

— Но зачем? — выпалил я. — В чем тут смысл? Для чего миллиарды лет заботиться об экосистеме Титана? И еще, наверное, тысячи других планет?

— Кажется, у меня есть идея на этот счет, — ответил виртуальный Пул. — Вспомните, что я не высаживался на Титан. Наверное, оказавшись в этой ситуации так внезапно, в то время как вы подходили к открытию постепенно, я вижу ее

иначе…

Подобно тому как эта карманная вселенная является местом пересечения, может быть, точкой пересечения является и Титан — тем пристанищем, где могут сосуществовать различные виды жизни. Вы нашли здесь местных аммоновых рыб, органические губки, которые могли попасть сюда из внутренней системы, а то и с Земли, и силаны с Тритона и планетоидов за ним. Быть может, вы найдете и других, если у вас будет время поискать. Все эти виды жизни зародились в разных условиях, но у них есть одна общая особенность. Все они родились на планетах с небесами и океанами, на планетах, согретых звездами.

Но звезды не будут светить вечно. В будущем вселенная изменится, пока не станет напоминать нынешнюю даже меньше, чем наша вселенная походит на этот молодой карликовый космос. А что потом? Так вот, если вас заботит сохранение жизни, всех форм жизни, в очень далеком будущем, то, наверное, можно предложить…

— Симбиоз, — закончила мысль Мириам.

— Вот именно. Возможно, Титан — своего рода прототип экосистемы, в которой формы жизни с таким разным происхождением могут смешиваться, находить способы сосуществовать и

выживать…

— И в конечном итоге каким-то образом слиться, — договорила Мириам. — Что ж, такое уже бывало. Каждый из нас — это сообщество некогда раздельных и очень разных форм жизни, которые теперь совместно трудятся в каждой нашей клетке. Очень приятный образ, Майкл.

— И правдоподобный, — угрюмо вставил его оригинал. — Во всяком случае, это хоть какая-то гипотеза. Сойдет до тех пор, пока не придумают что-нибудь получше.

Я усмехнулся. Эту мечту о космическом сотрудничестве я воспринял как романтическую фантазию одинокого человека, обреченного вскоре умереть. Мы все проецируем свои жалкие жизни на вселенную. Но лучших предложений или теорий у меня не нашлось. И, как знать, — быть может, виртуальный Пул прав? Никто из нас не доживет, чтобы узнать правду.

— Короче, — сказал я. — Все это прелестно и очаровательно, но теперь-то мы покончили с делами?

— Мы не можем бросить Майкла, — резко возразила Мириам.

— Уходите, — прошептал виртуальный Пул. — Вы ничего не сможете для меня сделать. А я буду

наблюдать и докладывать, пока смогу.

Меня аж затошнило от его благородства.

Но тут в разговор вмешался Гарри:

— У нас еще осталось одно незавершенное дело.

Глава пятнадцатая
Решение

— Какое еще дело? — нахмурился Пул.

— Мы прилетели сюда доказать, что на Титане нет разумной жизни, — сказал Гарри. — Что ж, тут мы ошиблись. И что дальше?

Мириам явно озадачило, что мы вообще начали этот разговор.

— Мы доложим о находках комиссии по надзору за соблюдением законов о разумных существах и еще куда следует. Это крупное открытие. Нас накажут за высадку на Титане без разрешения, но…

— И это вот итог ваших амбициозных затей? — рявкнул я. — Надеяться, что власти проявят снисхождение, если сообщить им об открытии, которое вас погубит?

— А у нас есть варианты? — изумилась Мириам.

— Разве это не очевидно? — Я посмотрел на нее, на Пула (тот наверняка гадал, что я собираюсь сказать) и на Гарри — тот отвел взгляд, как обычно делал в критические моменты. После нескольких дней бессмысленных чудес я вдруг

оказался в своей стихии, в мутном мире человеческих отношений. И я видел путь вперед там, где его не видели они.

— Уничтожьте это. — Я обвел рукой пещеру. — Все уничтожьте. У тебя же есть гранаты, Мириам. Ты можешь обрушить эту пещеру.

— Есть и другой вариант, — заговорил Гарри. — BET-двигатель. Если его взорвать, здесь высвободится энергия единого поля, и интерфейс червоточины тоже наверняка будет разрушен. Пожалуй, даже связь между Титаном и той карманной вселенной будет разорвана навсегда.

Я кивнул.

— Я об этом не думал, но мне нравится твой стиль, Гарри. Сделайте это. Накройте это место сотнями километров воды и льда. Уничтожьте свои записи. Это никак не проявится на поверхности, на процессах в атмосфере. Во всяком случае, не сразу. Никто даже не узнает, что здесь что-то было.

— Верно, — согласился Гарри. — Даже если генерация метана остановится немедленно, остаточного метана в атмосфере хватит примерно на десять миллионов лет. И рискну предположить, что если разные формы жизни не научатся сотрудничать за это время, то не научатся никогда.

Десяти мегалет для проверки точно хватит.

Мириам уставилась на Гарри, придя в ужас от его слов.

— Вы предлагаете совершить чудовищное преступление, — выдохнула она. — Сама мысль об уничтожении такого чуда, продукта миллиардов лет… и уничтожить его ради личной выгоды! Лета! Майкл, даже если отбросить в сторону мораль, ты ведь ученый, как ты можешь одобрить такое!

— Я больше не ученый, Мириам, — со страданием в голосе ответит Майкл. — Я инженер. Я строю и создаю. Я даже сочувствую целям создателей пауков. А строю я лучшее будущее для всего человечества — вот во что я верю. И если ради достижения этого будущего надо пойти на компромисс… что ж, возможно, создатели пауков тоже стояли перед аналогичным выбором. Кто знает, что они нашли на Титане до того, как начали здесь работать?..

Полагаю, в этой краткой исповеди были сконцентрированы и величие Майкла Пула, и его грандиозная безрассудность. В тот момент я задумался, сколько вреда этот человек сможет причинить всем нам в будущем, со всеми его червоточинами и прыгающими во времени звездолетами. И какие ужасы он, ослепленный этими

идеями и образами, может выпустить на волю.

— Давайте голосовать, — неожиданно предложил Гарри. — Тот, кто за уничтожение пещеры, пусть скажет «да».

— Нет! — бросила Мириам.

— Да, — сказали одновременно оба Пула.

— Да, — сказал я, но они тут же отмахнулись, что у меня нет права голоса.

Но это уже не имело значения. Решение было принято. И они стояли, глядя друг на друга, словно ужасаясь содеянному.

— Добро пожаловать в мой мир, — цинично произнес я.

Майкл отправился готовить BET-двигатель к последнему заданию. Мириам в гневе собирала оборудование, свой ранец с научными образцами и связки веревок.

А передо мной возникла голова Гарри.

— Спасибо, — сказал он.

— Ты ведь хотел, чтобы это предложение сделал я?

— Ну, я на это надеялся. Если бы предложил я, они бы отказались. А Майкл никогда бы меня не простил. — Он ухмыльнулся. — Я знал, что есть причина, почему я захотел взять тебя с нами, Джовик Эмри. Ты хорошо поработал. И свое пред-

назначение ты выполнил.

— Мириам, — заговорил виртуальный Пул из маленькой вселенной.

— Я здесь, Майкл.

— Не знаю, сколько мне еще осталось. Что произойдет, когда кончится энергия?

— Я запрограммировала симуляцию так, чтобы все выглядело естественно. Все будет так, как если бы в жилом куполе «Краба» отказало энергоснабжение. — Вздохнув, она добавила: — Конечно, у тебя есть и другие варианты, как все закончить еще раньше.

— Знаю. Спасибо. Как думаешь, кто они? Те, кто создал пауков. Они и эту карманную вселенную создали? Или она была построена для них? Как убежище?

— Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем. Майкл, мне так жаль. Я…

— Не надо. Ты ведь знаешь, что я бы сам такое выбрал. Но не хотелось расставаться с тобой… Мириам, присмотри за ним. За Майклом. Ты нужна мне… нам.

Она взглянула на настоящего Майкла, который возился с двигателем.

— Посмотрим, — ответила она.

— И скажи Гарри… Ну, ты знаешь.

Она подняла руку.

— Майкл, прошу тебя…

— Хватит.

Изображения, которые он нам проецировал, рассыпались на пиксели, а в наушниках исчезло слабое шипение волны, передававшей его голос. Оставшись совсем один во вселенной, он отключился.

К Мириам неуверенно приблизился настоящий Майкл.

— Все готово. Двигатель запрограммирован. Пора уходить, Мириам. Как только мы отсюда выберемся…

Она отвернулась, ее лицо исказила почти что ненависть.

Глава шестнадцатая
Восхождение

Накинув сбрую на паука, не подозревающего о грядущей судьбе его обширного и древнего проекта, мы поднимались наверх в полной темноте. У нас ушли дни, чтобы сюда спуститься, и уйдут дни, чтобы вернуться на поверхность, — где, как пообещал Гарри, нас будет ждать новый воздушный шар.

На этот раз, хоть мне и предложили сбежать в бессознательное состояние, я не спал. У меня было нехорошее предчувствие, что последний акт этой маленькой драмы еще не сыгран. И я хотел его увидеть.

Мы уже преодолели нижние ледяные слои и поднимались сквозь двести пятьдесят километров подземного моря, когда таймер Мириам сообщил, что далеко внизу взорвался двигатель. Изолированные толщей льда, мы ничего не почувствовали. Но мне показалось, что паук, несущий нас к свету, на долю секунды замер.

— Дело сделано, — твердо произнес Майкл. — Назад пути нет.

После выхода из пещеры Мириам с ним почти не разговаривала. Она даже чаще обращалась ко мне. Но теперь она заговорила.

— Я много думала. Я не смирюсь, Майкл. И мне плевать на тебя, на Гарри и на ваше проклятое голосование. Как только мы вернемся домой, я сообщу обо всех наших открытиях.

— У тебя нет доказательств…

— Меня воспримут достаточно серьезно. Рано или поздно кто-нибудь снарядит другую экспедицию и подтвердит мою правоту.

— Ну ладно.

Таков был его ответ. Но я знал, что все еще не окончено. Он не хотел встречаться взглядом с моими насмешливыми глазами.

И я совершенно не удивился, когда через двенадцать часов, пока Мириам спала, привязавшись к сетке на спине паука, Майкл достал из ранца два флакона и прижал один к клапану на ее ноге, а второй — к клапану на пояснице.

— Ты собираешься отредактировать ее, — прокомментировал я, наблюдая за ним. — Спланировал это вместе с папочкой?

— Заткнись, — огрызнулся он.

— Ты извлечешь ее из головы, поиздеваешься над воспоминаниями, над самой ее личностью,

а потом зальешь результат обратно. И во что ты заставишь ее поверить? Что она все это время оставалась на «Крабе» с Гарри, а ты высадился на Титан, но ничего не нашел? Пожалуй, это сработает.

— Мне нечего тебе сказать.

Зато я хотел ему сказать много всякого разного. Я сам не святой, но Пул вызывал у меня такое отвращение, какое может испытывать только человек, лишенный морали сам.

— Я думал, ты любишь ее. Я даже думал, что она тебя любит. И все же ты готов залезть к ней в голову и в сердце, лишь бы удовлетворить свои грандиозные амбиции. Я тебе кое-что скажу. Тот Майкл, которого она оставила в карманной вселенной, с которым она попрощалась навсегда, был куда лучшим человеком, чем ты способен когда-либо стать. Потому что он не был запятнан огромным преступлением, которое совершил ты, взорвав пещеру. И потому что он не был запятнан этим.

И я тебе кое-что предскажу. Неважно, чего ты добьешься в будущем, Майкл Пул, это преступление всегда будет глодать тебя изнутри. И Мириам никогда не полюбит тебя. Даже если ты сотрешь ей воспоминания об этих событиях, между вами

всегда будет невидимый барьер, потому что она почувствует ложь. Она уйдет от тебя, а потом ты уйдешь от нее. И еще ты убил Титан. Однажды, через миллионы лет, воздух здесь замерзнет и прольется дождем, и все живое умрет. Только из-за того, что ты сегодня натворил. И знаешь, Пул, быть может, те, чей труд ты погубил, однажды заставят тебя расплатиться за это.

Он был открыт и беззащитен, а я хлестал его словами. Ему нечего было ответить. Он лишь баюкал спящую Мириам, пока его машины высасывали ее память.

Мы больше не разговаривали, пока не выбрались под мрачное небо Титана.

Эпилог
Зонд

Майклу не понадобилось много времени, чтобы проверить состояние его хрупкого кораблика.

Энергии во внутренних батареях хватит на несколько часов. Насколько он мог судить, действующая связь между куполом и остальной частью «Краба» отсутствовала, механизмы управления здесь не работали. Наверное, созданная Мириам симуляция была на такое не способна. Значит, запаса энергии у него нет.

Он не стал ворчать по этому поводу, и будущего он тоже не боялся. Что будет, то будет.

Вселенная вокруг него была странной и чужой. Трудолюбивые пауки на ледяной планетке вели себя как машины — не живые и не разумные. Ему надоело за ними наблюдать. Он включил свет, зеленый и красный. Купол стал изолированным пузырьком, кусочком Земли.

Во всей этой вселенной Майкл был совершенно одинок. Он чувствовал это.

Он приготовил себе поесть. Здесь, в его личном пространстве, симуляция была хороша, и он не

обнаружил каких-либо ограничений или проблем. Мириам создала ее с любовью. Привычные манипуляции, совершаемые в ярком островке света вокруг кухоньки, оказались на удивление приятными.

Он перенес еду к кушетке, улегся на спину, держа тарелку, и приглушил в куполе свет. Доев, он аккуратно поставил тарелку на пол. Выпил стакан воды.

Затем прошел в душ и встал под струи горячих капель. Он попытался раскрыть свои чувства, насладиться каждой частичкой ощущений. Настал последний раз для всего, даже для самых обычных дел. Может, включить какую-нибудь музыку или почитать книгу? Что-нибудь, подходящее по настроению.

Свет погас. Даже приборные панели отключились.

Что ж, музыки не будет. Он вернулся к кушетке, лег. Хотя небо было ярким от света протосолнца, воздух становился все холоднее. Он представил, как из купола утекает тепло. Что погубит его быстрее — холод или недостаток кислорода?

Майкл не боялся. И не жалел, что потерял так много лет потенциальной жизни, подаренных АнтиСтарением. Как ни странно, он ощущал себя

обновленным — молодым, впервые за десятилетия. Наверное, потому, что на него больше не давил груз времени.

Он жалел только о том, что никогда не узнает, чем закончатся его отношения с Мириам. У них могло что-то получиться. Но в конце он понял: он рад, что прожил достаточно долго, чтобы увидеть то, что должен был увидеть.

Он начал дрожать, воздух стал покалывать ноздри. Он лег поудобнее и сложил на груди руки. Закрыл глаза.

Его лицо пересекла тень.

Он открыл глаза, посмотрел вверх. Над куполом завис корабль.

Умирающий Майкл разглядывал его с удивлением.

Корабль был похож на кленовое семя, обернутое во что-то черное. Угольно-черные крылья, тянущиеся на сотни километров, распростерлись над «Крабом» и мягко колыхались.

Холод впился когтями ему в грудь, горло свело спазмом, а темные облака затуманили зрение. «Только не сейчас, — мысленно взмолился он, не сводя умирающих глаз с корабля. Его элегическое смирение рассеялось как дым. — Еще чуть-чуть. Я должен узнать, что это означает! Пожалуйста…»

Сознание Пула напоминало умирающий огонек свечи. И теперь этот огонек как будто отделили от фитиля. Этот огонек, с его крошечным страхом, его удивлением и беспомощным стремлением выжить, был вплетен в паутину квантовых функций, беспричинных и нелокальных.

Прозрачный купол лишился последних остатков тепла, воздух в нем начал замерзать над приборными панелями, кушетками, кухней и распростертым телом. И корабль, и все его содержимое, более ненужные, рассыпались на облачко пикселей.